

34

№ 128

Социалистическая Федеративная Советская Республика

«Пролетарии всех стран, соединитесь!»

396

67

Подарок делегаткам 2-ой Международной Конференции
Коммунисток 3-го Конгресса Коммунист. Интернационала

ТРИ ГОДА ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Итоги работы среди женщин Московской
Организации Р. К. П.

СОУНЬ ИМ. В. И. БЕЛИНСКОГО

ФФ 138058

Московского Комитета Р. К. П.

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

138058

138058.

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

296
7/67

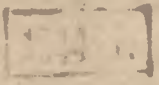
Подарок делегаткам 2-ой Международной Конференции
Коммунисток 3-го Конгресса Коммунист. Интернационала

301.4
67.

191/11
92

ТРИ ГОДА ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

1935
3 1935
18568
31
0

Итоги работы среди женщин Московской
Организации Р. К. П.

СОУНЬ ИМ. В. И. БЕЛИНСКОГО

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО КОМИТЕТА Р. К. П.

Издание Московского Комитета Р. К. П.

396

8

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

Р. В. Ц. Москва.

Напеч. 20.000 экз.

1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х., Москва, Пятницкая, 71.

Ине́сса Арма́нд.

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Октябрьская Революция разбудила творческие силы русского пролетариата. Но ни на одном слое рабочего класса освобождающая сила Революции, ее животворящая энергия не сказалась так отчетливо, как на широких женских трудовых массах.

Матери и девушки, самые закабаленные, темные, забытые при капитализме, им Революция принесла права человека, им дала она гражданские и политические права, — и, естественно, что из их среды вышли такие пламенные честные, самоотверженные ее защитники. Проснувшуюся энергию, разбуженный разум, массовый энтузиазм трудящихся женщин надо было организовать, чтобы сделать их сознательными преданными строителями нового общества.

Эту работу организации, воспитания, сплочения взяла на себя Российская Коммунистическая Партия в лице своих отделов работниц. Настоящим сборником мы хотим подвести некоторые итоги по работе среди женщин Москвы и Моск. губ.

Мы начали нашу работу с очень убогим аппаратом при небольшом количестве сил, в атмосфере непонимания важности и нужности этой работы даже со стороны партийных товарищей, а подчас встречали и явное противодействие в своей работе.

И что же? Прошло только 3 года, и несомненный, огромный рост массовой работницы и крестьянки, — на лицо.

В нашем сборнике товарищи найдут статьи, в которых подводится итог нашей работе в различных областях (партийной, советской, профессиональной, в области привлечения раб—ниц к газетной работе и т. д.).

Другая часть нашего сборника, — она написана самими работницами. В этих статья работницы, вчера еще стоявшие за станком, плоть от плоти и кровь от крови рабочей массы, рассказывают, как они, делегатки, пошли работать в отделы совета, и как через эту работу оне приобщаются к общему великому делу пролетарского строительства.

Мы выпускаем наш сборник в знаменательный момент. Мы выпускаем его, как подарок членам 2-ой Международной Конференции коммунисток 3-го Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала.

Скромный дар вручаем мы нашим зарубежным сестрам.

Но пусть наша книга отразит биение коллективного сердца многомиллионной женской трудовой России, которая знает только одну правду, одну цель — победу Революции.

Пусть она будет залогом нашей беззаветной решимости до конца бороться за великое дело коммунизма.

Пусть книга наша послужит ярким, могучим призывом к работницам всего мира встать на борьбу за свержение капитализма, за победу труда во всем мире!

СОУНЬ ИМ. В. И. БОЛШЕВКОГО

Памяти погибших.

Длинной лентой тянутся под Красной Кремлевской стеной могилы верных борцов Пролетарской Революции.

Они погибли в разное время; в первые дни октябрьских битв, и много позже, от рук белогвардейцев в тылу и на фронте.

Их, этих безмянных мучеников и смельчаков похоронено здесь много. Десятки, сотни, быть-может, тысячи.

Есть среди них и немало женщин рабочего класса.

Много пролетарских женщин, чье сердце было полно неизбывной верой в наше светлое будущее священным гневом к насилию и несправедливости — с беззаветным мужеством отдали свои силы нашему делу и погибли в рядах революции.

Отдельно, как будто одиноко, стоит могила тов. Инессы Арманд, этой благородной перебежчицы из буржуазного лагеря, сумевшей свою судьбу тесно связать с рабочим движением, и до последних дней жизни оставшейся верным, стойким борцом.

В общих, братских могилах похоронена группа работниц, трагически погибших при взрыве в Московском Комитете Коммунистической Партии, 25 сент. 1919.

Среди них Мария Волкова, работница Прохоровской м-ры. В 1918 г. она вступила в партию коммунистов; довольно долго пробыла на Восточном фронте и по возвращении отсюда поступила в высшую партийную школу.

При взрыве 25 сентября она была тяжело ранена в обе ноги, в левую руку и потеряла левый глаз. Но ей страстно хотелось жить, жить для борьбы, для творчества, для счастья.

И она все шутила: „Это все пустяки, я скоро поправлюсь, и с одним глазом еще злее буду преследовать белогвардейцев.“

Провокаторский удар нанял и стойкую Ирину Пугатову, раньше работавшую красильщицей, а во время войны кондукторшей.

Октябрьские дни застают ее на улице, на баррикадах. Тогда уже она вступает в партию большевиков и из нее постепенно вырабатывается очень дельный работник по работе среди женщин.

При взрыве погибла и партийная работница, секретарь железнодорожного района Анфиса Николаева, Аня Халдина, светлая девушка, пришедшая из буржуазного лагеря, и беззаветно, вся целиком отдавшая себя революционной работе. — Но кроме них, не одну жертву из среды

передовых, сознательных работниц вырвал тяжелый бич, неизбежный спутник войны — сыпной тиф.

В январе 1920 года от тифа умерла работница, начинающая талантливая поэтесса Серафима Владимировна. Это о ее даровании писал пролетарский поэт Иван Филиппченко.

Пролетариат лишился певца,
В орлице юной, расправившей крылья,
Пролетариат! она была талант
И воспевала труд
И гуд борьбы великий и ужасный,
Освободивший нас от шут...

От тифа умерла и тов. Васильева, организаторша отдела работниц Замоскворецкого района уже 14-ти лет, она тихонько от богатых родных — участвовала в нелегальных собраниях и распространяла литературу. Она приняла активное участие в октябрьском перевороте; после него она в Замоскворецком районе поступила в хлебопекарню, где впервые начала работать среди женщин, организовав детский сад, школу грамоты и т. д.

Не мало работниц погибло и на фронте. Как красная сестра погибла Зинаида Лебедева; девушка героиня Зоя Кувшинникова, до последнего дыхания, отстреливавшаяся из пулемета.

Самоотверженная, скромная, незаметная при жизни тов. Пакалиц, работница с чулочной ф-ки земгор в Благуше — Лефортовского района, член своего заводского к-та, и первая женщина, член Московского Революционного Трибунала — она тоже погибла на фронте классовой войны.

А совсем недавно роковой, несчастный случай унес от нас еще одну молодую работницу, дельного организатора работниц-транспортниц тов. Клавдию Чиненкову.

30 января 1921 г. возвращаясь с собрания работниц она попала под проходящий поезд, откуда была вынесена уже с раздробленными ногами.

Несмотря на страшные предсмертные мучения она все твердила „как жаль, что я не успела больше поработать...”

Ее последние слова были: Хороните меня по коммунистически. Ее желание было исполнено. Большая масса работниц Москвы пришла в последний раз проводить своего молодого, так ужасно погибшего друга.

И вспоминая всех, кого мы знаем, и думая о тех, чьи могилы потеряны, чьи имена мы никогда не услышим — мы преклоняемся перед ними, мы чтим их, отдавших свою жизнь, молодость, надежду, веру в борьбе за коммунизм.

Безсмертна революция, великая освободительница человечества от насилия и лжи старого мира, — и не будут знать забвения и смерти ее творцы и герои!

Р. Ковнатор.

4 мая 1921 г.

Памяти дорогого борца, друга, товарища
КОНКОРДИИ НИКОЛАЕВНЫ САМОЙЛОВОЙ.

На днях скончалась от молниеносной холеры т. Конкордия Николаевна Самойлова („Наташа“, как звали ее рабочие и работницы во времена подполья). Сердце сжимается от горя при мысли, что не стало еще одного дорогого, славного, любимого всеми работницами и рабочими товарища. Сильная и мужественная она вливала силу и знания в каждую малосознательную работницу, в каждого рабочего и красноармейца. Своей твердой верой в победу коммунизма она заставляла слабых и малодушных быть решительными—непоколебимыми.

Не один десяток лет поработала Конкордия в нашей партии. Подпольной пропагандисткой, укрываясь от полиции, она несла свет коммунизма в сырые рабочие кварталы, где собирались небольшие группы рабочих и работниц, с замиранием сердца слушавших ее речи и рефераты.

Самые лучшие всходы, а потом и плоды давала работа Наталии, почему она и рвалась всегда к широким рабочим и крестьянским массам. Всю свою чистую, искреннюю, честную душу она отдавала им и погибла среди них, разъезжая на агит—пароходе В. Ц. И. К. в качестве агитатора—пропагандиста—инструктора.

Не одну книжку написала Конкордия. Точный, ясный слог и глубокое содержание ее статей и брошюр любят и не забудут рабочие и работницы. Особенно болела она душой за работницу, и много работала, чтоб пробудить и поднять ее сознание. В 1914 г. она состояла членом редакции журнала „Работница“, и вместе с небольшой группой Питерских работниц участвовала в подготовке женского дня. Когда она жила в изгнании, мы ездили всегда к ней за советом и под ее руководством продолжали начатое дело.

С первых дней революции, сразу после своего освобождения, К. Н. взяла на себя большую партийную работу, но большую часть своего времени она отдавала работе среди работниц. Помню, мы забирались с ней в тот или другой рабочий район, и, переходя с фабрики на фабрику, проводили там собрания работниц. Конкордия положила начало массовой работе среди женского пролетариата Питера, и „секция“—новая форма работы—выдвинута ею.

После смерти мужа, старого партийного товарища, Конкордия, подорванная работой, остро заболела; надо было видеть, сколько теплоты и участия проявили работницы Питера, ухаживая за нею, просиживая с ней ночи. И все же мы не уберегли нашу Наташу. Далеко от друзей, в страданиях, ушла она от нас навсегда.

Не слезами мы будем прощаться с тобой, дорогой друг, а мощным призывом к работницам всех стран, призывом к борьбе под знаменем Коммунистического Интернационала.

Работница Питера *Клавдия Николаевна*.

Памяти тов. Самойловой.

Московские работницы понесли огромную потерю в лице скончавшейся Конкордии Николаевны Самойловой. Нам даже трудно учесть сейчас все, что давала нам К. Н.

После каждой ее речи прояснялось сознание самой темной и отсталой работницы. «Ведь, ты наша мать родная», сказала однажды при мне одна крестьянка т. Самойловой. Да, она была похожа на мать, бесконечно любящую, строгую, мать—воспитательницу. Она каждым своим словом учила нас жить и работать по новому, по-коммунистически.

С ее собраний работницы уносили на заводы и фабрики ее призывный бодрый голос, весь ее облик стойкого борца.

Спи спокойно, наш старший, испытанный друг! Работницы достроят здание, над фундаментом которого ты работала десятки лет.

С. Сидович.

На пути к коммунизму и полному раскрепощению женщины.

Мы живем в такое время, когда год по числу событий и великих, совершающихся на наших глазах перемен, равняется прежним столетиям. Перемены, сдвиги, глубокие изменения наблюдаются во всех областях жизни советской республики России со дня рабочей октябрьской революции, но всего крупнее, глубже и осязательнее эти перемены в области положения женщины в государстве и отношения к ней со стороны общества. Тот огромный сдвиг, который в этой области совершился в России, ясно сказывается и на положении женщин в других, пока еще буржуазных странах.

Где вы услышите сейчас разговор о том, что женщина по своим умственным качествам не способна заменить мужчину на поприще труда? И много ли осталось даже буржуазно-капиталистических стран, где женщины все еще лишены признания за ними политического равноправия, права соучастия в управлении государством? А между тем еще так недавно, какой-нибудь десяток лет тому назад женское избирательное право было требованием, встречавшим со стороны буржуазных правительств самое упорное сопротивление. Буржуазным феминисткам, так называемым „суффражеткам“ приходилось еще в год начала империалистической войны, т. е. всего 7 лет тому назад, применять тактику „террора“, по отношению к английскому правительству, допекая их демонстрациями, битьем окон, пуская в ход не только печатные воззвания и живую речь, но и бомбы. Не было страны, где буржуазные женщины умело втягивавшие в свое движение менее классово-сознательных пролетарок, не боролись бы за принцип равноправности женщины, и организуя женские общества лиги, союзы, связывались между собою помощью международных объединений, созывая свои международные женские конгрессы, организуя демонстрации. И тем не менее разрешение вопроса о равноправности женщин совершалось с удивительной медлительностью, натываясь и на бытовые условия, крепко закрепощавшие женщину, и на косность мысли, установившихся буржуазных взглядов, по которым женщина не самостоятельное лицо, не человек в полном смысле слова, а лишь придаток при мужчине. Даже в дружной семье социалистов вопрос о равноправности женщины и ее правах ступеньвался, отходил постоянно на задний план. Лишь на Штутгардском конгрессе II Интернационала, в 1907 г. впервые в интернациональном

масштабе принята была резолюция, обязывавшая все социалистические партии бороться в интересах пролетариата за признание политических прав и за женщинами, за всеобщее избирательное право для всех несовершеннолетних. Резолюция эта, предложенная тогда международной конференцией социалистов, предшествующей конгрессу, по инициативе т. Клары Цеткин, внесла наконец ясность в отношения социалистических партий второго Интернационала к вопросу о женских правах в государстве. Но дальше резолюций и широкой пропаганды слитности борьбы рабочих и работниц в деле полной демократизации государства, II Интернационал не пошел. До Великой Русской Революции вопрос о политическом равноправии женщин все еще оставался вопросом спорным во всех почти буржуазных государствах, за исключением Австрии, Новой Зеландии, отдельных штатов Северной Америки, Норвегии и Финляндии. Женщины в период империалистской войны, сотнями тысяч, вливались в производство, число их возросло на 1 мил. в Англии и около того же во Франции, на 2 мил. в Германии, на сотни тысяч в других странах, но буржуазия галантно распаркивавшаяся перед кадрами промышленных рабочих и служащих „в юбке“, отмечавшая, что тыл спасает фронт и что женщины, заменяющие отозванных в окопы работников, это—истинные солдаты тыла, достойные всякого уважения, все же не подпускали женщин к государственному рулю и продолжали кормить самых пылких поборниц женских прав ни к чему не обязывающими обещаниями.

Потребовался тот колоссальный социальный сдвиг, то потрясение всех основ буржуазного мира, какой вызван был великой октябрьской революцией, чтобы заставить буржуазное общество под другим углом зрения подойти к разрешению вопроса о женском политическом равноправии и попытаться создать из новых избирательниц опору для отмирающего на наших глазах буржуазно-капиталистического государства. Каких-нибудь 5 лет тому назад избирательное право для женщин считалось требованием революционным и если его поддерживали буржуазные партии, то всегда почти с оговорками и сокращениями (цenz т.-е. введение имущественных ограничений) и то только под давлением необходимости снискивать себе симпатии в трудовых массах кажушимся демократизмом своей программы. Сами буржуазные равноправники, ведшие очень решительную и смелую борьбу со своими правительствами за признание женского политического равноправия, однако, с легким сердцем отказывались от принципа всеобщего избирательного права для женщин каждый раз, когда буржуазные правительства вступали с феминистками в переговоры. Даже самые заядлые суфражистки и равноправники не верили в близкую осуществимость основного своего требования—признания политической правоспособности женщин. Сколько книг было выпущено по „женскому вопросу“ в последнее 20—30 лет, какие горячие полемики развивались вокруг спорных проблем равноценности, равноправности женщин и качественных отличий их от мужчин. Когда известный социолог Джон Стюарт Милль впервые в Английском парламенте в 60 годах 19 века поставил вопрос о женском избирательном праве, когда в Америке в

50 годах Мария Антони и Елизавета Стантон подняли впервые широкое движение за политическое равноправие женщин, когда в Германии с 70 годов Елена Ланго и ее современницы осмеливались требовать равного образования для женщин, — „женский вопрос“, казался сложной и запутанной проблемой, разрешение которой терялось вдали грядущих веков. В недрах буржуазно-капиталистических государств этот вопрос и в самом деле был *не разрешим*.

Запутанность и сложность его происходила из той роли „двойной рабыни“, которую высоко развитый капитализм навязал женщине в 19 веке, превратив миллионы женщин из рабынь семьи еще и в рабынь всеобщего владыки мира-капитала. Когда в 1880 году в Германии появилось первое издание книги Ав. Бебеля, этого „евангелия“, работницы, надо было прежде всего установить с помощью научного исследования, что „женского вопроса“ не существует, что рабство женщины есть лишь власть капитала и частной собственности над всеми трудящимися. Постепенно осознал рабочий класс, что участь женщины, освобождение ее от тройной зависимости и кабалы наемного труда, рабства в семье и бесправия в обществе неотъемлемая задача всего пролетариата, тесно и неразрывно сплетающаяся с его конечной целью — коммунизмом. Чем классово отчетливее научилась мыслить и думать работницы, тем резче расходились их дороги с дорогой по которой тащились в хвосте буржуазных „либеральных партий“, равноправки и феминистки всех стран.

Стоило России пережить памятные, революционные годы 1905 и 1906 г.г., чтобы работницы, вчера еще серые, отсталые, сегодня уже начали отмежевываться от русских буржуазных равноправок с их „Союзом равноправности женщин“, лигами „избирательных прав“, „прогрессивной женской партией“ и т. п. На первом же открытом женском митинге в 1905 году, пишущая эти строки при поддержке работниц сделала первую попытку полного отмежевания от буржуазных феминисток и звала работниц под единое знамя коммунизма. Дальше, чем в какой-либо другой стране казалась возможность осуществления коммунизма в России, а с ней и фактическое раскрепощение женщин. Но русские работницы с здоровым классовым инстинктом отшатывались от буржуазных равноправок и льнули к рабочему движению.

Первая попытка стянуть еще крайне слабые и распыленные силы работниц вокруг социалистической партии (тогда существовало формальное единство партии и большевики работали вместе с меньшевиками), сказалось в организации в Петрограде первого клуба работниц¹⁾. Клуб был организован для беспартийных работниц, но во главе стояли социал-демократки. Как сейчас помню нашу скромную, но светлую и чистенькую квартирку в 3 комнаты на Предтеченской улице близ Лиговки, где помещался союз текстильщиц членами которого,

¹⁾ Почин организации этого клуба носившего название, Первого Общества Взаимопомощи работниц (полиция ппаче не утверждала устав) принадлежит товарищам Клавдии Николаевой, Марии Бурко, Антоновой (умерла)—Шадурской, Коллоатай и др.

являлись также основными членами нашего клуба. Работницы, домашние служащие, жены рабочих, молодые, пожилые, охотно собирались в свой клуб, где по уставу рабочие могли быть членами, но в правление могли быть избраны лишь работницы. Этот пункт внесен был под давлением властей, но обращен был нами в своего рода „практическую школу“, общественной работы отсталых масс работниц. В первый же месяц своего существования клуб насчитывал свыше 300 членов женщин, тогда как в других клубах на 900 членов насчитывалось 15 женщин, на 600, 10—11, и т. д. В клубе велись беседы и лекции на политические, общественные темы без гласного присутствия пристава, устраивались вечеринки, организовывался хор, велись уроки декламации. При клубе существовала библиотека, читальня и буфет с чаем; на лето члены клуба сообща наняли дачи и устроили свою летнюю колонию. Темные силы реакции разрушили эту попытку повести среди женского пролетариата широкую коммунистическую работу. Но репрессии, преследования, аресты, бессильны были разбить нарастающее классовое, рабочее движение в России, в котором неотъемлемую часть составляли женщины. Революционное, классово-сознательное движение шло вглубь и вширь, то развиваясь, то временно затихая, то снова вспыхивая и взвываясь вверх. (Ленские события в 1912), пока война не отточила и не заострила настолько недовольство трудящихся масс, что женщины—работницы, солдатки, вся городская беднота стихийно вылилась на улицу в международный женский день 17 марта и этим дала толчок неизбежной и назревшей в мировом масштабе революции.

Год 1917—великий знаменательный год провел исторический рубеж между положением женщины в прошлом на протяжении веков и даже тысячелетий и новой, светлой полосой ее истории, в которую с момента октябрьской революции вступила русская работница а за ней и крестьянка. Бесправие женщины в государстве и семье—рухнуло вместе с первым ударом молота пролетарской диктатуры, по господству классового буржуазного общества. Власть советов явилась первой в мире формой государственного управления, где женщине предоставлено было равное место рядом с мужчиной без боя и натиска с ее стороны. Падение частной собственности и переход ко всеобщей трудовой повинности—разбило все основы былой зависимости женщин от „кормильца“ семьи мужа и поставило ее на равных основаниях с производителем мужчиной перед лицом народного хозяйства трудовой республики. Переход к общественному питанию, к социальному воспитанию детей, к жизни в домах коммунах постепенно раскрепощают женщину от кабалы домашнего хозяйства и устраняют причины бытовой ее закрепощенности. Женщина в Советской трудовой России стала равноправной и полноправной во всех областях народно-хозяйственной и социальной жизни. Цель столь длительной борьбы—политическая правоспособность женщины безоговорочно осуществляется на практике. И те самые интеллигенты, которые до октябрьского переворота еще спорили с пеной у рта о том: способны ли женщины управлять государством, теперь относятся к соучастию работниц и крестьянок,

как, к законному и вполне естественному явлению. Разве в глухих окраинах, да еще среди женщин восточных народов существует еще вопрос о признании за женщиной прав отвоєванных рабочей революцией. В остальных частях России, работница и крестьянка вошла уже во все области советского строительства, найдя применение своим силам, как на фронте, так и в назревшей, стоящей на очереди задаче: возсоздании народного хозяйства и связанном с ним улучшении быта рабочих, при организации его на коммунистических началах.

На 8 съезде советов в декабре 1920 года принято знаменательное постановление, по которому предлагается вводить работниц во все органы регулирующие, управляющие и организующие производство от фабрикомов до совета народного хозяйства включительно. Этим постановлением советская власть еще раз подтверждает положение о равноценности женских сил в народном хозяйстве, не только тогда, когда вопрос идет о подсобной, исполнительного характера работе; но и тогда когда рабочий класс призывается к творчеству новых форм хозяйства и быта. Характерно, что завоевания революции, в России, служащие к утверждению равноправности женщины и постепенно по мере утверждения основ коммунистических порядков, ведущих к ее практическому раскрепощению отразились самым явным образом на изменении положения женщин в ряде других крупных капиталистических стран. В Англии, Германии, Швеции, Австрии, штатах Северной, Америки, Голландии, Франции—женщины сейчас достигли того, за что 50 лет тому назад боролись лишь одиночки и за что столетие с четвертью тому назад Олимпия де Гуж, Роза Лакомб, Теруан-де Мерекур и писатель Кондорсе—во Франции, Мария Вольстонкрафт—в Англии тщетно подымали свой голос—женщинам даны избирательные права. Но даны они вовсе не за патристические, заслуги во время войны, как любит уверять буржуазия, а из страха перед растущей революционностью женщин рабочего класса, которая не находя исхода в законных рамках еще сохрани боже, выльется в форму стихийных волнений на подобие женского дня в России в 17 году и этим нарушит все планы хитроумных правителей буржуазных стран, готовых идти на всяческие уступки рабочему классу, только бы предотвратит призрака победы большевизма. В дни керенщины и господства русской буржуазии (февраль—октябрь 17 года) работа среди женского пролетариата велась кустарно и не организовано. Силы сознательных петроградских работниц группировались вокруг журналов Ц. К. партии большевиков „Жизни Работницы“, выходившей с мая 1917 года. В Москве вокруг журнала „Жизни Работницы“, основанного осенью 17 года. В ноябре того же после октябрьской революции; созвана была по почину группы большевиков 1) первая беспартийная конференция работниц Петрограда, вынесшая резолюцию о поддержке советской власти и резко осуждавшая соглашательство. Конференция знаменательна тем, что она положила начало организации секции работниц в Петрограде и что принятая на ней резолюция по вопросу об охране материнства и младенчестве легла

1) В нее входили т.т. Николаева, Самойлова, автор этой статьи и др.

в основу той части декрета о социальном обеспечении, где устанавливается помощь матерям и беременным работницам. Почти одновременно возникла в Москве „комиссия по агитации и пропаганде среди работниц“ при губернском парткоме.

Обострившаяся гражданская война в первые же месяцы революции, временно отвлекла партийные силы от задач организации работниц и вовлечения их в советское строительство. После издания нового уложения об актах гражданского состояния в брачном, семейном и опекуном праве, уравнивающих права женщины в семье, временно приостановилось дальнейшее развитие в Советской республике законоположений, служащих к окончательному раскрепощению женщины. Но само строительство Советского государства путем изменения коренных основ хозяйства и быта решительнее всяких законов продолжало начатое дело раскабаления работниц и крестьянок, и от ига капитала, и от зависимости в семье и доме.

В ноябре 1918 года движение работниц вступает в новую полосу: по почину группы коммунисток²⁾ поддержанному Ц. К. Р. К. П., созывается многолюдный Всероссийский съезд работниц и крестьянок. Тов. Свердлов открывает съезд, Тов. Ленин произносит чеканную речь, в которой доказывает необходимость вовлечения широких масс работниц в строительство советского государства и коммунизма. Съезд кладет основу организованной работе среди женских пролетарских масс Советской России. Движение вступает во второй этап. При всех местных комитетах партии постепенно организуются „Комиссии по Агитации среди Работниц“; издаются первые „странички работниц“, при „Коммунаре“ в Москве (под редакцией тов. Мойровой), и в Петрограде (под редакцией тов. Сомойловой) при „Красной Газете“. В девятнадцатом году на 8 партийном съезде впервые делается доклад о работе среди женщин и по почину Центральной Комиссии вносятся поправки к тем частям партийной программы, где говорится о признании равноправности женщины. На первом съезде III Интернационала в том же году принимается внесенная мною резолюция о необходимости вовлечения широких масс работниц в борьбу за коммунизм и за специализацию этой работы в партии.

В сентябре 1919 года Орг. Бюро Ц. К. реорганизует комиссии по агитации в Отделы Работниц. С этого времени движение среди женского пролетариата Советской России вступает в новую полосу—планомерной организованной работы среди женских масс в целях вовлечения их в советское строительство и воспитания из них сознательных стойких и самоотверженных коммунисток. Уже не сотни работниц, а десятки тысяч группируются сейчас вокруг женотделов, связывая массы женские через делегатские собрания города и деревни с партией. Свыше 70 газет имеют теперь по России свои странички, которые ведутся работницами, женотдел Ц. К. издает свой „Бюллетень“ и жур-

²⁾ Идея созыва Всероссийского Беспартийного Съезда работниц и крестьянок возникла во время одной моей агитационной поездки в Ивано-Вознесенский Район. Ее горячо поддерживали работницы т.т. Грачева и Алучкина.

нал „Коммунистку“. Повсеместно проводятся десятки конференций работниц. Тысячи работниц и крестьянок делегируются на всевозможные курсы и школы, партийные и советские; Делегатки работницы работают во всех отделах советов, своим самоотверженным заражая, а порою и стыдя советских служащих из буржуазного мира. В 1920 году в Москве состоялась 1 международная конференция коммунисток, в апреле 1920 г. удалось созвать первое совещание коммунисток восточных народов. Центральный Отдел работниц провел уже 3 совещания Губженотделов (Сентябрь 1919, март 1920 и декабрь 1920 года) и созвал на июнь 1 беспартийную конференцию работниц и крестьянок Востока. В июне же в Москве при ближайшем участии Отделов Работниц состоялась вторая международная конференция коммунисток.

Отделы работниц не только ведут работу по привлечению широких масс к партийному и советскому строительству, воспитывая широкую самостоятельность работниц, но и вносят живую творческую инициативу в советское законодательство. Так при участии Центрального Отдела проведен закон о ненаказуемости оборота, организована комиссия содействия при охране материнства, ведет свою работу комиссия по борьбе с проституцией, в закон о всеобщей трудовой повинности внесены дополнения и изменения в интересах здоровья женщины и проведен закон, утверждающий делегаток-работниц в учреждениях и отделах совета в качестве оплачиваемых практиканток (действует от апреля 1921 года).

Чем шире разворачивается область участия работниц в советском строительстве, тем яснее является и великое значение завоеваний Октябрьской революции для женщины трудового класса. Пусть еще много несовершенств в жизни, в быте и даже в законоположениях Советской России, касающихся брачно-семейного права, пусть тяжело, подчас невыносимо живется женщине городской и сельской бедноты, при обнищании страны и разоренности ее, длительными царскими и гражданскими войнами, все же, оглядываясь назад, нельзя не почувствовать колоссальности успехов сделанных труд-республикой в деле освобождения женщины! То, что еще недавно было мечтой, „программным пунктом“, — стало действительностью, вошло в практику жизни, самое радостное: растет и расцветает на всех почвах и во всех областях труда новая, смелая самоотверженная женщина-работница, интересы задачи и стремления, которой сливаются с великими задачами рабочего коллектива. Работница русская, за эти три с половиной года революции выросла, политически окрепла. Это уже не прежняя серая, рабская, не самостоятельная фабричная, и домашняя служащая или батрачка, что пулило сторожилась политики и в душе ненавидела большевиков больше всего зато, что они ломают все старое, знакомое, привычное и строят, что-то новое и мало ей понятное. Это и не пошлящая, покорная жена, готовая сносить побои и поругания со стороны мужа, потому что он „законный“, и при том „кормилец“. В труд-республике работница себя чувствует зависимой лишь от общественного коллектива. Чем сознательнее становятся работницы, тем более основательные и продуманные требования ставят они перед государственной властью, которая по их убеждению должна полностью, уже сейчас и без колебаний осуществлять комму-

визм. Коммунизм — стал путеводной звездой работницы в России. И светлою радостью заливается сердце каждый раз, когда на беспартийных или производственных конференциях видишь воочию, как политически созрели женские массы пролетариата и как слятся догнать их еще не вполне уверенные в своих силах крестьянки. Идет, множится, растет новая рать на подмогу пролетариату, рать трудящихся женщин, Советской России. Их много уже и число их неуклонно возрастает. Крепкие, юные, полные воодушевления и веры в коммунизм, зрелые, трезвые, прекрасные, практические работницы в советской области, пожилые на закате дней своих, идущие с коммунистами потому, что жизнь рабыни капитала их нещадно и жестоко била и что они хотят избавить своих внучек от горькой бабьей долюшки, твердо веря, что только коммунизм раскабалит женщину и спасет юных девушек и молодых матерей от всех жестоких испытаний, какими так полна жизнь женщины в буржуазном государстве. И как бы порой не падали мы духом, как бы временно не ослабевали наши силы — мы знаем, что хотя мы и не в коммунизме, но что трудовая Россия — на пути к коммунизму. Постепенно выковывает она из женщины прошлого, безвольного придатка мужчины, смелого и верного товарища в борьбе и в осуществлении светлых начал коммунизма. Эти начала осуществляются полностью тем скорее, чем выше подымнется революционная волна в буржуазных государствах. Пусть же работницы всего мира, глядя на великие достижения русской женщины, и в области равноправности в государстве, и в разрешении проблемы новых форм брачных отношений, и в сфере строительства народо-хозяйственной жизни — поймут, что все законы в пользу женщины, все уступки буржуазии рабочему классу бессильны закрепить ее равноправие на практике, пока диктатура не завоевана пролетариатом. Через диктатуру к коммунизму. Через коммунизм — к полному и всестороннему раскрепощению женщины.

Александра Коллонтай.

За три года.

Как ураган в весеннюю пору пронеслась Октябрьская революция над умами дремавшего до тех пор рабочего класса. Этот ураган пробудил в самых отсталых слоях творческую мысль и порыв к лучшему. Наиболее глубокие пласты оказались и самыми восприимчивыми, но жизнь в них закипела позднее. Одним из этих слоев были работницы.

Работницы, которые созрели для стихийных выступлений и борьбы на баррикадах, оказались недостаточно подготовленными для систематической партийной и советской работы. И мы видим, как московская работница не сразу после Октябрьской революции пошла на политическую и общественную работу.

Советская власть дала все права работнице. Но пока масса трудящихся женщин не поняла еще этого и не научилась пользоваться

этими правами, они оставались на бумаге. Надо было сделать второй шаг, т.-е. дать понять работнице, что она полноправная гражданка. И коммунистическая партия взяла на себя эту задачу.

Первый большой толчок в систематической работе по вовлечению московских работниц в партийную и советскую жизнь дает уже 1-я губернская конференция работниц. После нее начинается усиленная подготовка к Всероссийскому Совещанию работниц и крестьянок, которое происходит в Москве в конце ноября 1918 г. Всероссийское совещание, в свою очередь, кладет начало организационным формам работы среди женского пролетариата. Сейчас же после Всероссийского совещания в Москве и в некоторых уездах создаются при партийных комитетах Комиссии по агитации и пропаганде среди работниц. В некоторых районах Москвы, как, напр., в Городском районе, они возникают еще до съезда. Эти комиссии сейчас же организуют и делегатские собрания. Московский центр, руководящий работой районных комиссий возник уже после того, как работа в некоторых районах была на ходу. (Городской, Алексеево-Растокинский район и Замоскворецкий были тогда передовыми районами.) Первоначально работу по Москве, так же как и по России, направлял один центр — Комиссия работниц при Ц. К. Р. К. П.

2 февраля 1919 г. создается Комиссия работниц при Московском комитете Р. К. П. и с того времени начинается систематическая работа по выравниванию линии во всех районах. В тех районах, где не было еще комиссий, они организуются. Создаются делегатские собрания и выбираются делегатки для работы в Советских отделах. Разрабатываются инструкции для работы с каждым из намеченных Советских отделов и налаживаются взаимоотношения с заведующими последних.

Первоначальная работа Московской комиссии была трудная и неблагоприятная. Сил было чрезвычайно мало. Весь аппарат комиссии в продолжение 6 месяцев состоял только из одного секретаря. Никаких перевозочных средств и всего 1—2 агитатора. В районах в большинстве случаев так же было по одному организатору и хорошо уже обстояло там, где был, кроме того, секретарь. При таких силах широко развернуть агитационную работу, конечно, не удавалось. Да и перед Московской комиссией в то время стояли задачи, которые они должны были тогда же разрешить. Всероссийским совещанием были только намечены формы участия работниц в работах Советских отделов, но далеко еще не разработаны. Приходилось идти наощупь и всю первую половину года, главным образом, уделять внимание советской, а не партийной работе среди женщин.

Трудность работы заключалась еще и в том, что имея мало сил, в тоже время приходилось преодолевать косность и непонимание всей важности работы среди женщин. Районные комиссии, за небольшим исключением, постоянно должны были доказывать Райкомам необходимость этой работы. Приходилось апеллировать и в М. К.

Такое же непонимание встречалось и со стороны заведующих Советскими отделами, не говоря уже о беспартийной массе рабочих и

даже рядовых коммунистов, которые особенно в уездах часто явно противились участию работниц в общественной жизни, так как это отвлекало их от семьи.

Но революция делала свое. Штамя ее все более охватывало новые массы работниц и этот могучий поток сломил на своем пути встречающиеся сопротивление и неверие.

Мы видели, как при небольшом агитационном аппарате быстро росло сознание у массы работниц. Мы видели, как с каждой конференцией все увеличивалось количество делегатов. Каждое торжество, которое сопровождалось выходом рабочих на улицу, привлекало все большие и большие массы работниц. Все резче бросалось в глаза массовое активное участие работниц в кампаниях М. К. и Московского Совета. Эта растущая сила говорила сама за себя и убеждала в правильности методов работы среди женщин, сомневающихся прежде товарищей в них.

Описывая рост сознания и активного участия женщин-работниц в политической жизни Советской России, приходится останавливать внимание на двух сторонах этого явления. По мере того, как все большие массы работниц вовлекаются в сознательную жизнь, в то же время все определеннее становятся контуры того аппарата, вокруг которого сосредоточивается эта жизнь. От силы и крепости этого аппарата, от его многосторонности зависит, в свою очередь, сила и величина самого движения работниц. Мы видим, как одновременно развиваются обе стороны, пополняя друг друга. Вглядываясь в развитие работы среди женщин, мы видим, как последние три года постепенно из зародышевого состояния, аппарат по работе среди женщин развивается в большой организм. Мы видим, как сначала крепнет его голова, его мозг — Комиссии или Отделы работниц Московского, губернского, партийного комитетов. А вслед за ними появляются, разрастаясь все более, и органы их действия — их руки, организаторы от ячеек, волонтеры, агитаторы-работницы и крестьянки.

Мы выше уже говорили, что вначале аппарат Комиссии работниц М. К. состоял из одного только работника секретаря. В районных комиссиях тоже было по 1—2 работника. Кроме того, чувствовалась сильная оторванность работы Комиссий от Царккомы. Надо было поставить работу среди женщин так, чтобы не было этой оторванности. Поэтому в мае месяце 1919 г. Московская комиссия указывала Московскому комитету на необходимость реорганизовать комиссии в Отделы, выделив туда для руководства членов комитета. Тогда это предложение было отклонено и только в августе месяце принято. Вскоре это предложение было распространено Ц. К. Р. К. П. на парткомы уже по всей России.

Эта реорганизация значительно укрепила работу среди женщин. Одновременно с этим постановлением о реорганизации в Отделы было принято М. К. и Ц. К. и постановление о выделении из ячеек по предприятиям организаторов, ответственных за работу среди женщин своего

предприятия. Но мало было выделить организаторов, надо было их обработать и это была трудная работа. С теми небольшими силами, которые были в районных Отделах работниц, нужно было обойти предприятия, сделать доклады в ячейках, так как они тоже не сразу усваивали себе это новшество. Сначала эта работа шла несколько туго. К январю 1920 года организаторы от ячеек были выделены всего на 87 предприятий. Но к сентябрю число организаторов достигает уже 275, а в настоящее время в Москве они выделены на 628 предприятий. По уездам же на 200 предприятиях.

Одним из дальнейших толчков, давших движение росту всего аппарата, было слияние районов, которое произошло в марте месяце 1920 г.

Первое время это слияние, как бы ослабило, а в некоторых местах даже парализовало работу Отдела. Но, в конце концов, оно дало возможность сконцентрировать силы. Последовавшие затем деления районов на участки, поставило Отдел Работниц перед необходимостью выделить на каждом из них своих организаторов, и тем углубить работу в районах. С другой стороны, массовый рост сознательности в рабочих образцах дал возможность выделить достаточно сильных товарищей. Таким образом мы видим, что районный Отдел Работниц в гор. Москве состоит теперь не из 1—2 работников, а в среднем уже из 8.

Слабо в этом отношении обстоит дело с уездными Отделами, которые в силу одной обширности своей территории и трудностей работы среди крестьянок, больше нуждаются. В среднем на уездный Отдел Работниц приходится 4 работника. Такая отсталость работы в уездах объясняется разными причинами: во-первых, общей отсталостью партийной работы, а кроме того и тем, что работа среди работниц-женщин там началась позднее, Комиссии, создаваясь, тут же распадутся за недостатком сил. И Комиссия работниц при губернском парткоме, которая должна была руководить работой уездных Комиссий, так же страдала отсутствием сил. В мае 1920 г. произошло слияние московского и губернского комитетов. Это слияние дало возможность объединить всю работу в губернии и привести ее к одному знаменателю. Правда, Московский Отдел не мог дать много сил в уезды, так как он едва поспевал наполнять быстро расширяющийся аппарат по участкам городских районов. Но если он не имел до сего времени возможности послать в уезды достаточное количество организаторов или агитаторов, то в смысле регулирования и направления работы, а также в смысле обслуживания работниц и крестьянок печатью, была проделана большая работа.

Одной из первых задач Московского Отдела после слияния было поставить работу среди крестьянок. Для этого надо было выделить по волостям также организаторов среди женщин. Безлюдье в деревнях сильно тормозило эту работу. Но за одну зиму волорганизаторы были выделены уже из 70 волостей в 13 уездах. (Всего 18 у.).

Наконец, последним и большим шагом вперед в смысле организационного развития Московского Отдела работниц было выделение специальных товарищей для заведывания каждой из наиболее важных

отраслей работы Отделов. Таким образом, была выделена: 1) агитпропаганда, 2) вовлечение работниц в Советское строительство, 3) работа с профсоюзами, 4) печать и 5) отчетность.

В районных и уездных отделах также выделяются товарищи, ответственные за советскую и литературную работу. Это выделение самых важных отраслей работы дало возможность и усилить их.

Мы видим, таким образом, как растет и развивается острота работы среди женщин ее организационный аппарат. Теперь посмотрим на результаты всей работы. Насколько желание участвовать в общественной жизни быстро охватывает новые слои работниц яснее всего становится нам, когда мы сравниваем количество участвовавших работниц на конференциях и делегатских собраниях.

На второй конференции бывшей в Москве, вскоре после Всероссийского совещания, присутствует 300 делегатов, на третьей—900, на четвертой—4000, на следующих конференциях большего количества конференток уже не могло быть, за неизменем помещення. Если мы сравним районные делегатские собрания в 19 году и теперь мы увидим громадную разницу. В 19 году на делегатском собрании в среднем присутствует 40 чел. Теперь же среднее количество делегатов по всем районам 200 чел. В уездах присутствует по 83 делегатки. И в то время, как в 19 г. мы радовались, что на общегородской конференции собралось 900 делегатов, теперь на районных конференциях присутствует в среднем по 1100 делегатов. Хотя в некоторых районах, как в Пресненском количество участвовавших на конференциях работниц превышает 2000.

Общее количество делегатов также возросло. В 20 г. было не более 900 делегатов от 266 предприятий. В 21 г. их имеется 2420 от 600 предприятий в г. Москве и 881 в уездах. Числа делегатов возрасло, несмотря на то, что норма представительства была понижена с 25 до 50. Насколько разрослась работа Отделов работниц указывает также последнее участие в перевыборах в Совет. За одну эту кампанию в Москве было обслужено Отделом более 455 собраний. В то время, как в 20 г. такое же количество собраний было обслужено за время целых 3 кампаний: „Неделю пропаганды“, „Партийную неделю“ и „Неделю обороны“.

Конечно, Отделам работниц не удалось бы в таком широком масштабе проводить кампании, если бы масса не выделяла из своей среды новых и новых агитаторш. Если первый год своей работы Московский Отдел обходился с помощью 1—2 агитаторш в центре и столько же районам, то по последним подсчетам выступающих в Московской губ. имеется уже 160 работниц и крестьянок, при чем на г. Москву из них приходится 66. Отдел работниц прилагает все усилия, чтобы подготовить из работниц кадр агитаторов, побуждая их слушать партийные школы, создавая секции или устраивая для тех, которые почему либо не могут пойти в школы, специальные кружковые занятия по районам.

Одной из ярких кампаний, прошедших также в очень широком масштабе, был Международный день работниц. Так по Московской губернии, ко дню 8 марта, было проведено около 300 митингов, на которых присутствовало не менее 100.000 работниц.

Не приходится, конечно, доказывать, что вместе с ростом массового участия работниц на всех собраниях и в кампаниях совершается и внутренний и психологический переворот. Работница духовно перерождается. Об этом говорит хотя бы участие Московских работниц в последних перевыборах в Советы, когда они проявили необыкновенную сознательность. Активно участвуя в выборах они в огромном большинстве поддерживали и голосовали за коммунистов.

Работницы показали, что они вполне осознали, что только коммунистическая партия есть верный защитник интересов рабочего класса. Этот духовный рост особенно бросается в глаза на всех конференциях и делегатских собраниях работниц. Там они уж не молчаливые слушательницы, какими они были вначале. Свою сознательность так же показали работницы и в Международный день работниц, когда голодные и разутые они тысячами шли на митинги в холодную и мокрую погоду.

Рос аппарат, вокруг которого организовывались массы, все увеличивались ряды этих масс, а вместе с ними задевались и новые слои грудящихся женщин. Первые два года работа Московского Совета сосредоточивалась исключительно на работницах фабрик и заводов. Хотя с самого начала своей работы Московская Комиссия ставила своей задачей: начать работу и среди домашних хозяек. Но для этого нужны были лишние силы, а их не было. Только весной 20 г. впервые в Москве было приступлено к этой работе, но надо сказать, что и до сих пор она не получила больших размеров, вероятно, это следует объяснить слишком неблагоприятной почвой, которую представляют собой домашние хозяйки в Москве. Слишком мало среди них пролетарского элемента. Несмотря на это, среди домашних хозяек проводятся по районам собрания и от них есть представители на делегатских собраниях работниц. А в последние перевыборы в Совет кое-где были избраны и от них депутатки.

Осенью 1920 г. Московский Отдел в состоянии был приступить и к работе среди крестьянок. По волостям были выделены волорганизаторы (в 70 волостях; всего 161 волость). В некоторых уездах проводятся уже волостные делегатские собрания крестьянок, волостные же конференции крестьянок проводятся во всех уездах. Но эта работа еще не успела пустить далеко в крестьянские массы свои корни и на волостных конференциях в среднем сейчас присутствуют еще только 65 крестьянок. На общеуездных всего крестьянок и работниц бывает в среднем 150. За эту зиму крестьянки приблились уже и к общественной работе, так в 13 уездах в Советских Отделах работает 72 крестьянки-практикантки. В волкомах и селькомах—81 кр. Из них 2 крестьянки—председатели сельских советов Московского и Коломен

ского уезда. Большой интерес проявили крестьянки в этом году и к Международному дню работниц. Впервые 8 марта 21 года Международный день работниц превратился в день всех трудящихся женщин, так как в нем принимали участие и крестьянки и домашние хозяйки. В этот день не только работницы, но и крестьянки принимали участие в открытии тех учреждений, которые должны их раскрепостить от домашних забот и семейной кабалы: (В Московской губ. 7 марта было открыто детских домов, яслей, домов, матери и ребенка, столовых в количестве 32),

Валюху, прожитый работницами 3 года. После Октябрьской революции дали хорошие выходы среди трудящихся женщин. Но не остановиться на этом должны теперь работницы и крестьянки, напротив, оглянувшись назад и увидев, что самый трудный путь пройден, ускорить свой шаг, чтобы скорее приблизить победу, чтобы скорее избавиться от полуденных пут, отсталых элементов капитализма — от голода, холода, разрухи и несправедливости.

И тем более, об этом помнить должны работницы Москвы, так как они — центр не только Советской России, но и всей мировой революции. С надеждой смотрят на них работницы всего мира. В то же время еще много надо поработать над собой Московским работницам. Пусть не забудут они, что в производстве женщины 60% а в партии 11% и в Советах 5%. Московские работницы пропущу первую школу — научились сознательно выбирать в Советы, поддерживать своих вождей, теперь перед ними другая задача; научиться активно занимать места в этих Советах и идти в партию для руководящей работы.

А. Уткина.

Работница в профессиональном движении.

Профессиональные Союзы в России — детище революции. Революция дала им жизнь, революция вырастила и укрепила их. Но еще до революции, в 1905 году, на первой Всероссийской конференции профсоюзов, формулируя свои цели и задачи, молодое русское профессиональное движение с момента своего зарождения, заняло совершенно другую позицию, отличающуюся от западно-европейского тредюнионизма. Цель, которую поставили себе профсоюзы на первой же своей конференции — это свержение капиталистического строя с его частной собственности, с анархическим способом ведения хозяйства, с его нищетой, рабством для рабочего класса, ибо русский рабочий в эпоху царизма на практике на своей собственной шкуре испытал и понял, что заработная плата, рабочий день, норма выработки, его материальное и духовное положение зависят от того, кто стоит у власти и какую политику проводит в стране.

Поэтому, когда в 1906 году после падения революционной волны, собралась 2 Всероссийская конференция профсоюзов, то главный вопрос, который занимал ее: могут ли профсоюзы легально (открыто) работать при существующем строе, и, подводя итог своему опыту, постановили легальных профсоюзов не организовывать.

Профсоюзы, как и политические партии, принуждены были уйти в подполье.

Работники в последующий период 1905—1917 г. г., организованных в профсоюзы, было мало, ибо для этого требовались, прежде всего, сознательность и готовность пойти на все жертвы, которых требовало подполье. Но так как женщины наиболее пострадали от войны, была наиболее не обеспечена, то все революционные движения, политические и экономические стачки находили отклик в сердце работницы и ставили в ряды революционеров манифестантов, стачечников не мало и женщин. Так или иначе русские профсоюзы, в отличие от западных, не только допустили их в свои профсоюзы, но и на первой же конференции после февральской революции (июнь 1917) поставили вопрос о женском труде.

В России работницы, занятые в различных производствах еще в 1914 г., составили 45%. Война повысила % женского труда; к январю 1917 г. женщин, занятых в одной только текстильной промышленности, насчитывалось 67%, и численность их все возрастала во всех отраслях производства; но, несмотря на свои внушительные размеры, женская армия труда к июню 1917 г. не имела даже минимальных прав и основными лозунгами, ближайшей задачей для работницы было установить: 1) равную оплату за равный труд, 2) охрану женского и детского труда, 3) усилить политическое развитие женщин-работниц. Все эти требования, принятые на конференции, рассматривали работницу исключительно, как производителя, оплачивая труд по его качеству. Для ведения агитации и пропаганды, для вовлечения работницы в обще-профессиональное рабочее движение, конференция постановила организовать при союзах Бюро, комиссии работниц. Конференция предостерегала работницу от участия в организациях не пролетарских. Но то, что не могло осуществить буржуазно-демократическое правительство Керенского, те требования о женском труде, которых не могли провести в жизнь половинчатые, постоянно колебавшиеся между буржуазией и рабочими проф. союзы 1917., то осуществил и провел в жизнь красный октябрь, который продолжил новый путь рабочему движению.

Крупные индустриальные союзы, вместе с коммунистической партией провели октябрьскую революцию. Работница и здесь наученная горьким опытом демократией Керенского, не принесшей ей никакого улучшения, оставившей ее такую же раба в экономическом и политическом отношении, какую она была и раньше, русская работница, особенно Питерская и Московская и в этот период борьбы пошла нога в ногу со всем рабочим классом, ибо она поняла, что эта борьба делает ее свободной. После октября профсоюзы прогнали из своей среды желтых обанкротившихся гошдей и приступили к сознательной

работе. 1 и 2 Всеросс. съезды профсоюзов перенесли центр тяжести союзной работы в область организационно-хозяйственную, определили главную работу профсоюзов, установили организационные формы союзных органов, организационную связь союзных и хозяйственных ячеек. Работа эта протекала в период ожесточенной гражданской войны, когда все усилия были направлены на отпор врага, когда в союзных органах, обескровленных мобилизациями, работало 2—3 работника. И вполне ясно, что профсоюзы не имели возможности, времени и сил, чтобы вести специальную работу по вовлечению женщин и др. отсталых рабочих вообще в союзную деятельность. Только 3 Всероссийский съезд профсоюзов, который состоялся в тот же период, когда Советская Россия, отбив Колчака, Деникина и Юденича, переживала передышку и говорила перековать мечи на плуги и среди других организационных задач—укрепление союзного аппарата, установление связи с широкими массами, рядовых членом с союзными органами,—мог снова поставить вопрос о работе среди женщин. 3 Всероссийский съезд профсоюзов перенес центр тяжести союзной работы из области организационной в область производственно-хозяйственную и поставил вопрос о женском труде глубже. Женщина-работница, как член профсоюза, является, прежде всего, производителем. Но работница, по сравнению с рабочими, в настоящее время еще не равноценный производитель, ибо обремененная домашними работами, которые она выполняет, придя домой, а не восстанавливая свою затраченную силу, понижает тем самым качество своего труда. Поэтому она в огромном большинстве не квалифицирована, неразвита и неграмотна в политическом отношении. 3 Всероссийский съезд обратил внимание профсоюзов, прежде всего, на организацию вместе с другими органами советского государства—тех учреждений (дома коммуны, ясли, сады, школы, общественные столовые, прачечные и т. д.), которые оставили бы работнице хоть сколько-нибудь свободного времени для участия в общественной работе для своего развития и обучения. 2 важной задачей является поднятие квалификации женщин-работниц—составляющих почти 50% всей рабочей силы предприятий путем профессионального технического образования. И, наконец, 3 задача: вовлечь ее в работу профсоюза и в организацию своего производства. Но годы ожесточенной гражданской войны не прошли даром для работницы. Жизнь, сама жизнь выдвигала ее на общественную работу, превращая ее в строителя. За 3 года революции работница заняла место в союзных органах. Вот некоторые данные Московских профсоюзов, в которых женщины составляют большинство.

Текстильщ.	103794	70 ⁰ ₀
Раб-ц иглы	14168	75 ⁰ ₀
Табачниц	3144	79 ⁰ ₀
Пищевик.	17930	35 ⁰ ₀
Печатниц	18245	33 ⁰ ₀

Московский Губпрофсовет объединяет около 200.000 рабочих, почти половину всех рабочих (Питерский Губпрофсовет 115.458, что

составляет 47—48% всех рабочих, все эти работницы вместе со всеми рабочими мужчинами переносили и перенесли все трудности переживаемого момента. Работницы нередко работали, стоя по горло в воде, вылавливали бревна, дрова для фабрики, они работали по колена в торфе, возили за 7—10 верст дрова на санках без обуви, без производственной одежды и делали это все только для того, чтобы сохранить свою фабрику, чтобы не допустить порчи машин и чтобы дожидаться того момента, когда завертятся осиротевшие станки, когда снова задымят потухшие трубы.

Оглядываясь назад, на прошедшие 3 года революции, работницы с гордостью и уверенностью скажут: «Наш путь тяжел и труден, но другого пути для рабочих нет»;

Еще плотнее, дружнее сомкните, работницы, свои ряды, ибо только в вашей борьбе, в вашей работе—залог победы над разрухой, которая тяжелее всего ложится на плечи женщины-работницы.

С. Герштейн-Дроздовская.

Работница на субботниках.

С приходом февральской революции развал хозяйственной жизни, страны кое-как еще замаскированный при царизме, обнаружился во всей своей силе. Все больше останавливалось фабрик и заводов, рушилась старая дисциплина в рядах рабочего класса, обманутый в своих надеждах правительством старых правил и законов, рабочий класс раз от разу распускался все больше, не находя смысла и целей в труде, не чувствуя его революционной полезности. И только при диктатуре пролетариата он находит стимул труда,—стимул, заключающийся в борьбе с растущей разрухой. Новый революционный труд пролетариата воплощается в невиданной до того времени форме коммунистического субботника. И если в рядах борющихся на военных фронтах—почти исключительно массу составляли мужчины, то в рядах борющихся на трудовом фронте к работе „по революционному“ вместе с мужчиной была призвана и женщина и не в единицах, а в массе главным образом, работница заводов и мастерских. Правда, не сразу откликнулась женщина-работница на призыв коммунистической партии вновь прищипорить себя и вырвать несколько часов из своего отдыха, для нужд Советской республики.

Бельгийский почин коммунистической субботы, заложенный рабочими Казанской ж. д. в период ожесточенной героической борьбы пролетариата с внешним врагом и внутренним неустройством, от женщины, закабаленной и домашним хозяйством, и семьей требовал гораздо больших сил и сознательности, чем от ее собрата-мужчины. В начале основной массой субботничающих были рабочие и красноармейцы „женщины насчитывались там единицами, десятками и очень редко сотнями“. Но с первых же месяцев трудовой порыв, охвативший рабочих заводов и фабрик, передается и работнице, с партийной перехо-

дит на беспартийную. Ни холод, ни голод, ни нищета и тяжелая усталость не останавливают работницу в новом трудовом подъеме, наоборот, они приобретают значение факторов, толкающих и побуждающих ее на коллективный труд, на общую дружную борьбу со всякого рода экономическими затруднениями. Именно этим единым горячим желанием одолеть разруху можно объяснить то, что количество работниц, субботничающих в зимние месяцы 19 года, достигло своего maximuma так, что число участниц на каждый месяц зимы в среднем достигало от 5 до 6 тысяч, т. е. 25% общего количества всех участниц. В то время, как частичные сведения за 19 г. лишь только отчасти позволяют судить о трудовых подъемах в среде московских работниц, цифровые данные за 20 год, начиная с мая, дают нам в этом отношении уже характерную и яркую картину.

Месяц	Число работниц	Число женщин	Процент
Май	30.408	3.951	91 ⁰ / ₁₀₀
Июнь	72.590	13.319	18 ¹ / ₂ ⁰ / ₁₀₀
Июль	183.203	34.778	20 ⁰ / ₁₀₀
Август	85.758	23.109	27 ¹ / ₂ ⁰ / ₁₀₀
Сентябрь	120.207	28.144	22 ⁰ / ₁₀₀
Октябрь	62.460	46.310	23 ⁰ / ₁₀₀
Ноябрь	97.222	230.25	23 ¹ / ₂ ⁰ / ₁₀₀
Декабрь	95.743	20.837	30 ⁰ / ₁₀₀
Январь 1921 г.	83.158	14.627	17 ¹ / ₂ ⁰ / ₁₀₀
Февраль	95.866	18.889	19 ⁰ / ₁₀₀
Март	86.997	16.554	19 ⁰ / ₁₀₀

В общем на каждую сотню субботничающих приходится 21 работница.

Помимо других причин количество участниц так же как и результаты субботников каждый раз определяются прежде всего степенью организованности субботника, а равно и участием, которое принимали в организации и подготовке работ Отделы работниц. Образцовыми в смысле достигнутых результатов и трудового подъема среди работниц можно считать субботник „1 мая“ 1920 г. „неделя пошивки“, в которых и московские и районные отдели работниц приняли самое живое участие.

Рядом с чрезвычайными субботниками (неделя крестьянина, неделя охраны труда, неделя ребенка, по пошивке белья для Красной армии, день Красной казармы и т. д.) мы видим работниц, аккуратно посещающих и очередные регулярные субботники. Сначала организация субботников работница наравне с мужчиной исполняет тот же труд, что и он, разгружает вагоны, чистит снег, работает по ремонту жел. дор., по чистке и уборке помещений, пилке дров и пр. пр., но в дальнейшем с организацией самих субботников, когда работа уже направляется все более к способностям и склонностям участниц, труд женщин все больше выделяется из общего труда субботничающих. В страничке работницы „Комтруда“ в субботнике 1 мая 20 г. мы читаем: „часть женщин по предложению Отдела работниц“ М. К. была выде-

лена для шитья белья для детских колоний и садов". В дни "Красной казармы", неделя помощи больному и раненому красноармейцу и т. д. московская работница идет в лазарет, моет, чистит казармы, чинит белье, шьет, стирает для красноармейцев и т. д.

Уклон в сторону организации женского труда в этом направлении становится все определеннее и, наконец, в 20 году „в неделю трудового фронта“, для „помощи красноармейцам тыловикам“ он выливается в форму чисто женского субботника. Так, например, мы имеем в ряде субботников, устроенных по пошивке белья, следующее отношение женского труда к мужскому:

Октябрь	11.226 женщ.	2.907 мужчин.
Ноябрь	5.623 "	1.478 "
Декабрь	1.519 "	286 "

Первоначально, когда труд женщины не выделялся из общего труда субботничающих он не поддавался и отдельному учету, и только субботники, где работница работает отдельную от мужчины работу, дают возможность судить о тех результатах трудового подъема, который охватил непосредственно женскую пролетарскую массу. За все время по неполному подсчету изготовлено белья и обмундирования для Красной армии 409.927 шт., при чем только за месяцы с октября по январь в „неделю помощи фронту“ и красноармейцу тыловику московскими работницами наготовлено обмундирования и белья 217.107 шт.

Результаты чрезвычайных субботников, производительность их растет по мере организованности женского труда, заинтересованности их в субботниках. Достаточно внимательно проследить, начиная с мая по март месяцы цифры, говорящие об участии в субботниках женщин, чтобы видеть, как далеко не совпадают числа участниц на каждый месяц; в то время, как начиная с августа по декабрь, число московских работниц, участвующих в субботниках выражается в 231% с января по март, этот процент падает по отношению к общему количеству на 10%. И это объясняется тем, что с января месяца нет особых субботников, и тот трудовой порыв, который работница несет на чрезвычайный субботник падает, как только от нее требуется очередная текущая, будничная работа. На очередные субботники московская работница идет по-прежнему аккурратно, но уже не в прежнем количестве, и не с прежним воодушевлением.

Участие работницы партийной, так же как и беспартийной в субботниках остается одинаковым, так 48% для партийных и 82% для беспартийных, не меняется за все три месяца, начиная с января; за время, не отмеченное особыми выдающимися субботниками.

Тоже можно сказать и о партийном составе среди мужчин, там для партийных остается неизменным 30% участников, а для беспартийных 70%.

Но эти же цифры, процентное отношение партийного состава мужчин и женщин говорят нам о том, что здесь мы встречаемся с особым фактором, а именно с тем, что беспартийная женщина в отношении количества участвующих берет перевес над беспартийными мужчинами.

Это явление можно объяснить только тем, что с выделением работы для женщин особо, с заинтересованностью ее в субботнике не только, как работницы, но и как женщины (уход за больными, обследование детских садов, пошивка белья, улучшение быта рабочих), она захватывается гораздо больше, чем мужчина-рабочий, которого работа на стройке железных дорог, например, касается только, как члена республики. Этой кровной же заинтересованностью беспартийной работницы, как женщины, хозяйки и матери объясняется и тот часто поражающий героизм, который она сплошь и рядом обнаруживает на субботниках, будучи беспартийной. Так, например, чтобы обработать полностью первомайский субботник, работницы каретно-рядской мастерской и дома труда и помощи, работали до 3 часов ночи, работницы Замоскворецкого района с радостью приступили к шитью детского белья и изъявили желание шить по вечерам, пока не пошьют белья из всего заготовленного материала. И не только работницы Замоскворечья, но и вообще все работницы не ограничиваясь только данным заданием одного субботника, работали два, три дня, наконец, целые недели. Сиделки больниц и служащие богаделен стирали и чинили белье. Работа до того увлекла всех, что матери, отпущенные к оставшимся без призора детям, пожелали оставаться и принять участие в общей работе. И не только работницу, но как женщину, субботник привлек и малосорганизованную домашнюю хозяйку. В день 1 мая 100 домашних хозяек приняли участие в субботнике, шили детское белье. Увлеченные трудовым подъемом, они предлагали свои услуги и на следующий субботник „в неделю трудового фронта“.

Правда, рядом с ростом трудового подъема, в московской работнице, в женщине, приходится отмечать и явления отрицательного характера, а именно, когда отдельные работницы выступали против участия в субботниках, жаловались на то, что их заставляют работать сверхурочно. Но здесь же мы видим, как неизменно побеждает здоровый революционный инстинкт той же беспартийной массы, как первоначально отказавшиеся от участия в субботниках под влиянием убеждения, призыва со стороны сознавших свой революционный долг работниц, становятся на работу и в своей работе и усердии опережают других.

Так начавшийся с авангарда пролетариата—великий почин сделался достоянием беспартийной, когда-то такой несознательной и отсталой массы работниц, а также женщин вообще. Идя работать коллективно на благо всей трудовой пролетарской семьи, работница показала, что она подлинно является достойным членом этой семьи, а работая на субботнике наравне с мужчиной, неся этому субботнику свои последние силы и время, она проявила себя настоящей хозяйкой пролетарской республики.

М. Иванова.

Работница на советской работе.

На I Всероссийском совещании работниц и крестьянок был принят план привлечения работниц к работе в Советских Отделах. И как только организуются комиссии работниц, они сейчас же принимаются выполнять эту задачу. Выделяют делегаток и общественных инструкторов в отделы Советов.

Первоначально работа эта имеет очень примитивный характер и только постепенно она усложняется и принимает широкие размеры.

Всероссийским совещанием работниц и крестьянок было намечено 4 отдела, в которых должны были в первую очередь работать делегатки: II Отдел охраны материнства и младенчества, Народное образование, Отдел питания и Отдел охраны труда. Вскоре к ним присоединился и Отдел здравоохранения.

Делегатки приступили уже к работе, но еще не было определенных инструкций для работы в каждом Отделе. И только к маю месяцу 1919 г. эти инструкции были разработаны Московским отделом. Трудно было первоначально наладить и оплату делегаток и общественных инструкторов. В общем первый год и даже более вся работа при Советских Отделах страдала некоторой неясностью. Иногда трудно было сказать: где делегатка, где общественный инструктор, так как делегатки также посылались в Отдел на неопределенное время и оставались там год или более.

Первый год главные усилия Московской Комиссии работниц ушли на разработку инструкций и на то, чтобы преодолеть сопротивление заведующих Советскими отделами. Это сопротивление было довольно значительно, так как не все они сразу поняли необходимость широкого привлечения работниц к работе Отделов. Приходилось постоянно собирать заведующих вместе с делегатками и ставить перед ними доклады, а так же ставить эти доклады на заседаниях коллегий Отделов.

Во второй год работы женотделов г. Москвы, главное внимание обращается на партийную работу и советская работа поэтому развивается туго. Она вновь расцветает с осени или даже с зимы 1920—21 г. Тогда в Отделе работниц М. К. выделяется специальный товарищ, который ведает всей этой отраслью работы и отвечает за нее. Тут же выделяются организаторы по советской работе во всех районных и уездных Отделах работниц и общественные инструктора в Отделы Московского, и районных советов.

Детально разрабатываются инструкции, точно определяются 2 месячный срок работы практиканток в Отделах, а затем декретируется и оплата практиканток, зависевшая до тех пор от случая или воли каждого завкома. Все недоразумения с заведующими Отделами можно считать ликвидированными и взаимоотношения налаженными.

Разрешение этих важных вопросов дало возможность расширить и всю работу по привлечению работниц к советскому строительству. В настоящий момент в Москве практикантки работают уже не в 4 Отделах, а в 12: 1) в Наробразе (Сектор. Соц. воспитания, б) профобр.

в) художественная секция); 2) в Социальном обеспечении (все подотделы); 3) в Отделе охраны мат. и млад. санит. просвещ.; 4) в Отделе Охраны Труда и Трудоповинности; 5) в Р. К. И. а) в о. обществен. питания, б) на общих обследованиях; 6) П. Отд. М. П. К.; 7) Земельно-жилищный; 8) Коммунальный. В уездах к ним надо прибавить еще: 9) земельный; 10) продовольственный; 11) С. Н. Х. а) кооперативский; б) утилиз.; 12) Бюро печати. Кроме того, в волостях практикантки имеются в исполкомах и селькомах.

Регулярные собрания советских организаторов районных и уездных Отделов работниц; собрания общественных инструкторов дали возможность внести планомерность во всю работу на местах.

Постановка работы быстро сказалась и на результатах. К концу 1919 года во всех советских Отделах города Москвы работали 150 делегатов вместе с общественными инструкторами. Теперь в Москве одних практиканток 244 и 10 общественных инструкторов. В уездах же практиканток 231 и 19 обществ. инструкторов. Кроме того, в советскую работу за эту зиму были втянуты и крестьянки. Так в уездных Отделах Советов крестьянок-практиканток 73 (по сведениям от 13 уездов, всего уездов 18), в волкомах и сельсоветах 81 крестьянка (в 7 уездах). Кроме того, работниц, занимающих ответственные места на советской работе (завед. Отдел., П. Отд., а также учреждениями) в Москве 154; в уездах—121 (в 12 уездах).

Что же касается значения работы практиканток и общественных инструкторов в смысле перевоспитания масс работниц на коммунистических основах, то задача эта в значительной степени уже выполнена. Из среды самих работниц выходят сознательные активные работницы Советского Государства.

Работа в социальном обеспечении.

С фабрики „Марс“ военного обмундирования меня и еще двух работниц выбрали на делегатском собрании Басманного района в ноябре 19 года для работы в Отделе социального обеспечения.

Я была назначена обслуживать весь Отдел со всеми его подотделами. Других назначили: одну в подотдел пайка, другую в подотдел охраны материнства и младенчества.

Мне же пришлось с самого начала организовать ясли, детские дома, дома инвалидов.

Очень много приходило матерей с просьбой принять их детей, так что мы не посмевали открывать детские дома. Мое дело было подыскивать помещения, снабжать инвентарем и служебным персоналом.

С моей помощью было открыто двое яслей для 80 детей, одни из яслей были при фабрике бывшей Константинова. К организации этих яслей мы привлекали работниц с фабрики, они убирали помещения, ездили за инвентарем. Эти ясли удалось очень хорошо поставить. Помещение отличное (раньше там жил директор фабрики.)

Эти ясли убедили работниц, что Советская власть заботится об их детях и что сами они могут участвовать в Советском строительстве.

При мне открылся также детский дом— „Дом Красноармейца“ (на 100 детей от 3 до 10 лет.)

В первую очередь туда принимают детей красноармейцев. В настоящий момент мы открываем еще один дом для инвалидов.

Работаю я и по контролю, осматриваю все учреждения, наблюдаю, как относятся служебный персонал к призреваемым.

Хлудовский дом для слепых был поставлен очень плохо. Заведующий и служащие относились к призреваемым халатно и холодно. Помещение было также скверное, старое.

Мы нашли другой дом, отремонтировали его и перевели туда слепых. Переменили также и заведующего.

Продукты, которые полагались, призреваемым совсем не попадали. Мы назначили контроль из самих призреваемых, которые хоть немного видели. Они стали следить за выдачей и распределением продуктов и таким образом исправили дело.

В настоящее время я заменяю заведующую Отделом всего социального обеспечения.

В нашей работе Отдела принимают участие не только постоянные сотрудники Отдела, но и фабричные работницы. На фабриках есть выбранные, которые принимают заявления от работниц своего предприятия и затем с этими заявлениями приходят ко мне. Их просьбы мы удовлетворяем в первую очередь.

Сейчас я так вошла в дело и оценила работу в социальном обеспечении, тем более, что она связана с самой беднотой, что не хочется и домой уходить. И я вижу, что, как работница, я особенно полезна там. Часто ведь видишь, как сидящие там барышни, посылают прочь приходящих с безучастными словами:— „не знаю“.

Против такого отношения я борюсь всеми силами. Я хочу, чтобы каждый рабочий и работница шли в советское учреждение с полной уверенностью, чтоб на всякий свой вопрос они получали быстрый и толковый ответ и чтоб знали, что Советская власть в каждом деле пойдет им навстречу.

Работница фабрики „Марс“ Пюшина.

В отделе здравоохранения по охране материнства и младенчества.

Я уроженка Гродненской губ., Белостокского уезда. Мне 27 лет. Кончила я городское училище. В Москву приехала в 1914 г., не имея никакой поддержки со стороны родных. Служила продавщицей в шляпном магазине до 1916 года. Потом бросила это занятие и поступила в обмундировочную фабрику Беляева. Была избрана рабочими для поддержания связи с профсоюзами. Узнав о забастовке многих фабрик в 16 г., я постаралась провести и у себя на фабрике тоже забастовку. Хозяин на уступки не шел и фабрику прикрыл. 6 месяцев я ходила безработной, а затем устроилась машинисткой на Александровском вокзале. Работала там до 18 г., а потом снова пошла на обмундировочную фабрику, оттуда избрана делегаткой в Отдел Работниц Красно-Пресненского района.

В феврале месяце 1921 г. меня послали в отдел Охраны Материнства и Младенчества. Работала я обследовательницей и приходилось мне сталкиваться с очень многими неприятными фактами. Плохое отношение служащих к детям, плохой уход за ними были обычным явлением.

Особенно обратил на себя внимание своим неустройством один детский дом. Я старалась помочь чем только могла для того, чтобы поставить его на должную высоту; я была назначена туда помощницей заведующего. Пришлось столкнуться с очень плохим отношением к детям со стороны служащих. Заведующий никакого внимания на детей не обращал; детишки ходили грязные, заброшенные, больные. Врач редко бывал. Смертность среди детей была велика. Я рук не опустила, а старалась сделать все, что было в моих силах, подтягивать заведующего и персонал, следить за кормлением и уборкой детей, заставлять врача ежедневно являться для осмотра ребят. В отделении для грудных детишек царствовал беспорядок, соски детей не промывались и лежали где попало. Я нашла в аптечке много баночек, испросила разрешения врача использовать их, написала на баночках имена детей, и теперь соска каждого ребенка содержится в отдельности, в чистой воде. Врач был удивлен и одобрил мои действия. В отделении от 1 до 3 лет царствовал хаос. Детишек кормили всех вместе, стараясь поскорей избавиться от этого дела и уложить их спать. Часто бывали такие случаи: ребятшек укладывали спать, при чем кто-нибудь из них упорно плачал и не хотел засыпать. На мои расспросы, почему ребенок плачет, говорили, что он капризничает. Я попробовала дать ему поесть, он с жадностью накинулся на еду. Оказалось, что он просто голоден. Теперь детишек кормят уже внимательнее и в моем присутствии и детишки, конечно, потом спокойно спят. Смертность среди детей значительно уменьшилась, и положение дома улучшилось. Но далеко еще не все сделано. Необходимо переменить помещение, устроить изолятор и т. д... У меня у самой недавно умер ребенок и теперь я вяжу цель своей жизни в том, чтобы по возможности облегчить и улучшить жизнь всех детей нашей трудовой Республики.

Работница *Пилашевич*.

Моя работа в медико-санитарном отделе.

Я—дочь бедного крестьянина. Грамоте я научилась самоучкой. С 10 лет поступила на шелко-крутильную фабрику, затем переходила на другие, где и работала до последних лет. И вот теперь я хочу рассказать своим товарищам-работникам, как я стала участвовать в советском строительстве.

Была я выбрана в медико-санитарный отдел Басманного района, с фабрики „Марс“, где я работала шинели для армии в начале 18 года. В то время Отдел только что организовался, он представлял собою скорее справочный стол, и первая вспышка сыпного тифа застала от-

существование всякого аппарата, не было не только персонала, но и книг для записи.

Я должна была показать работницам, как можно работать в Советах, потому что тогда работницы еще не верили в свои силы и боялись взяться за какое-нибудь общественное дело. Тогда как раз начался сыпной тиф. Тиф был настолько силен, что все боялись работать в этой области. Надо было бороться с ним, а со стороны медицинского персонала везде был саботаж.

Нужно было в первую очередь привести в порядок больницы. Часто бывало так, что есть свободные места, а медицинский персонал отказывается принимать больных. Медицинский персонал саботировал а работницу по ее малосознательности еще трудно было привлечь к какой-нибудь организационной работе Совета. И мне приходилось ходить по району, обследовать подряд помещения, в первую очередь бедноты, так как там не было дома, где бы не лежало по нескольку больных. Переправить всех в больницу, за недостатком транспорта, свободных мест, не было возможности. Во многих квартирах лежали больными целые семьи и некому было подать помощь.

Мне приходилось не только самой лично перевозить больных, но и посещать их по квартирам, чтобы они только не умерли с голоду. Месяц я работала в рабочей комиссии одна, потом туда прислали еще двух работниц с фабрики Чичкина и фабр. Губкина-Кузнецова. С ними работа стала организованнее и лучше протекать.

Мы обошли все больницы, проконтролировали их. А тут организовали еще 2 госпиталя для сыпнотифозных.

В каждой освобожденной от больного квартире мы делали дезинфекцию, с помощью дезинфекционного аппарата. В нашем же ведении была и прачечная, куда мы отдавали белье беднейшего населения. Также снабжали бедных мылом, бельем и сами передевали их в чистое, так как они бывали часто осыпаны паразитами.

Бывало и так, что умирали отец и мать, оставались дети-сироты. Их мы переправляли в приюты. Это дело хотя и относится к социальному обеспечению, но в виду еще не налаженности там работы, мы брались и за это дело, и сами отправляли детей туда, где только были места.

Для привлечения к нашей работе массы нам приходилось ходить по предприятиям и агитировать среди рабочих и работниц. Так мы обошли все фабрики своего района, устраивая митинги. Мы рассказывали, как и для чего мы пошли в медико-санитарный отдел, и как мы там работали.

Рабочие и работницы сначала не шли на наши призывы, боясь заразы, но затем нам удалось создать по фабрикам и заводам такие же санитарные комиссии для борьбы с сыпняком, как при отделе. Эти комиссии должны были проделывать ту же работу, что и мы, только у себя на фабрике и по квартирам и общежитиям своих предприятий. Работницы участвовали в комиссиях наряду с мужчинами.

Вместе с заводскими санитарными комиссиями, мы устраивали общие собрания и при медико-санитарном отделе, и при партийном ко-

митете, созывая туда и рабочих и работников. На этих заседаниях мы ставили вопрос о работе санитарных комиссий.

Так протекала работа с самого начала. В настоящий момент работа уже хорошо поставлена. Сыпняк теперь нам уже не так страшен: аппарат налажен, и с саботажем медицинского персонала мы уже почти справились. Работа отдела идет нормально. Но санитарные комиссии при отделе, а также и рабочие комиссии по фабрикам все-таки продолжают существовать. Они ведут текущую работу по санитарии.

С 1 августа 19 года меня назначили заведующей отделом. С 1 же мая туда поставили врача, а меня оставили при нем заместительницей контроля.

С работой я уже вполне освоилась, а первое время, конечно, было трудно на этом ответственном посту. Приходилось часто обращаться за советом к товарищам-коммунистам в здравоотдел.

Работницы за эти годы сильно развились на моих глазах, и их отношение к участию в советском строительстве сильно изменилось. Теперь они уже сами идут к нам на помощь.

Работница М. Петрова.

Работа при отделе охраны труда.

Когда началась февральская революция я была курьером у „Гонца“.

Хожу я, бывало, по разным учреждениям, вижу, что всюду курьеры куда-то выбирают своих товарищей. Спрашиваю: чего вы хотите? Говорят: организовать союз курьеров. Я тоже стала принимать участие в этом деле.

Затем я поступила в Высший Совет Народного Хозяйства.

Там я услышала о том, что работницы организуются. Я стала добиваться, чтобы попасть в их организацию. Это мне удалось. Меня избрали делегаткой в отдел работниц Городского района. Оттуда я была вскоре избрана для работы в отдел охраны труда. Со мной вместе работают еще 5 работниц.

Когда мы пришли в отдел, один из двух инспекторов не хотел с нами заниматься. Дела нам никакого не давал. Но двое из нас были очень настойчивые работницы. Мы настаивали и требовали, чтобы инспектор не обследовал фабрик и колоний без нас. Отдел работниц нам в этом помогал, и нам удалось этого добиться. Теперь инспектора уже вполне считаются с нами и принимают во внимание наши заявления.

С самого начала нашей работы в отделе, нам дали задачу обследовать ячейки по охране труда на предприятиях и инструктировать их. Там же, где нет ячеек, мы должны были их создавать. Но так как нами руководили мало, то мы ловили все на лету: прислушивались к тому, что говорит инспектор с посетителями, присматривались к его действиям при обследованиях.

Посещая предприятие, мы обследуем его санитарные условия, условия труда взрослых и подростков и составляем протокол. После этого идем в ячейку, инструктируем, как она должна работать, что мы нашли неправильного в работе и т. д. Когда мы приходили на пред-

приятие, то старались объяснить всем рабочим и работницам, что такое охрана труда и для чего она нам нужна.

Кроме того, под мое руководство даны были работницы, начинающие работать в отделе охрана труда. Теперь поступающим делегаткам очень хорошо, потому что мы с первых же шагов все им разъясняем. Нам было очень трудно входить в дело, так как нами никто по настоящему не руководил.

Я работаю в отделе 3 месяца и вижу плоды своей работы. Все лето велась спешная работа по снятию малолетних подростков. Приходилось обходить все предприятия и снимать всех до 14-летнего возраста. Всех их мы отправляли в колонии. Лето они отдыхали, чтобы зимой учиться. Эта работа была очень трудная. Препятствия мы встречали и со стороны заведующих (часто доходило до суда) и со стороны родителей.

Эта работа по снятию малолетних сильно мешала нам организовывать ячейки по предприятиям. Часто даже сами комитеты не идут в этом навстречу, особенно в Городском районе, где больше советских учреждений, чем фабрично-заводских предприятий. Так же и в булочных, где в комитетах сияют анархисты. Анархисты не признают никакой организованной работы.

На ряду с описанной работой с нашей стороны идет борьба с нарушением кодекса законов о труде. Тут иногда приходится радоваться достигнутым результатам. Например, недавно мне пришлось посетить стекловывудную мастерскую. Ячейка по охране труда там уже имеется, но работать она еще не умеет. В мастерской работают при помощи газа и ртути. Газ и ртуть портят зрение и вообще тяжело влияют на здоровье. Для рабочих необходимы отпуска, которых ни не удалось добиться в союзе. Я снеслась с союзом, подняла вопрос перед инспекторами труда и, наконец, добилась для них отпусков.

Работница *Порядочнова.*

Участие работницы в п.-отделе общественного питания.]

Собрание работниц Замоскворецкого района послало меня делегаткой из трамвайного парка, где я была до тех пор кондукторшей, в отдел общественного питания в качестве контролера—обследовать учреждения общественного питания. Кроме меня туда же были посланы еще 2 работницы с фабрики Брокар и с фабр. Котова. Нас отправили в подотдел питания, где заведующий распределил между нами работу.

Когда мы пришли в отдел, заведующий встретил нас очень радушно, внимательно и толково рассказал, что мы должны делать. Но другие ответственные работники смотрели на нас совсем иначе. Им странно казалось, как это работницы будут работать вместе с ними!

В первое время нам, действительно, трудно было; мы не знали, за что взяться. Особенно трудно было обследовать школьные столовые: уж очень ядовито относились к нам учителя... Ну, а потом ничего—

постепенно привыкли. Заведующий отделом доверял нам больше, чем наемным служащим. Мы присутствовали на разборательствах всякого рода конфликтов между сотрудниками и заведующими столовыми. В нас сотрудники видели правильных защитников рабочих интересов, заведующие же, которые были в большинстве случаев из старой артели официантов буржуазных ресторанов, недружелюбно смотрели на нашу работу. Мы наблюдали, чтобы был порядок в столовой, чтобы лучше готовили из тех продуктов, которые давались отделом, чтобы сотрудники добросовестно относились к делу и чтобы не было хищений. Заведующий отделом знакомил нас с распределением продуктов — нормой для детских столовых и интернатов, объясняя, какие продукты он дает со складов и мы проверяли доброкачественность этих продуктов. Если же продукты оказывались негодными, мы настаивали, чтобы звали врача, но не выбрасывали их, а отдавали на переработку (утилизацию).

При мне открылось 3 детских столовых (я работала при детском питании). Я помогала набирать штат, со мной советовались даже при приеме заведующих. Я обследовала помещения для столовых, производствo ремонта, оборудование инвентарем и т. д.

С июля месяца моих двух товарищей отозвали на фабрики, а меня назначили заведывать столовой № 2. Там я воспитала трех служащих в духе коммунизма и записала их в партию. Сама я вступила в партию еще в феврале месяце. В этой столовой я, не жалея сил, работала 4 месяца. Кроме текущей работы я делала с детьми экскурсии в Нескучный сад. В сентябре месяце исполнительное бюро продов. отдела назначило меня заведывать подотделом детского питания, там я работаю до сих пор.

Мне удалось за это время содействовать улучшению питания, прибавив сполна одно лишнее блюдо. В нашем Замоскворецком районе при некоторых усилиях нам удалось открыть столовую для детей от 1 года до 5 лет, где пища готовится под надзором врача. Там дается 3 блюда — молочное, мясное и что-нибудь сладкое, кисель или каша.

Кроме надзора за столовыми, приходится разбираться, какого ребенка принять в столовую в первую очередь. Всего у нас в районе от 1 г. до 5 лет 11 тысяч, а кормится в яслях $1\frac{1}{2}$ тыс. При таких тяжелых условиях мы принимаем в первую очередь детей красноармейцев, затем, мы выбираем рабочие семьи с тремя детьми. Больных детей мы принимаем также в первую очередь.

Детей от 5 до 16 лет в районе 32.000, которые все питаются в общественных столовых: во внешкольных столовых кормится 21 тыс., а в школьных 11 тыс. Детских столовых в районе 13, для взрослых 132.

Теперь под моим ведением работает 5 работниц-инструкторов, тоже делегированных с фабрик и заводов. Их задача — следить, руководствуясь выработанной нормой, за правильностью движения в столовых, т. е. сколько можно накормить и сколько кормится. Следить, ведутся ли приходо-расходные ведомости, за правильностью весов, хватает ли инвентаря и т. д. Из своей практики я вижу, что контролер должен

сразу не допускать воровства, а не ловить потом у ворот, потому что часто воруют из-за бедности и голода.

Нам помогает еще налаживать работу районная контрольная комиссия при рабоче-крестьянской инспекции. Она состоит из рабочих и работниц, которые выбираются на 6 месяцев. Они стоят по понедельно в каждом питательном пункте: столовых, лавках и складах.

Делегатки от отделов работниц не участвуют в работе—все передано контрольной комиссией.

Для привлечения работниц к участию в нашей работе я делаю доклады на делегатских собраниях по фабрикам и в трамвайном парке. Я говорю всем работницам, что для них везде и всюду широко открыты двери ко всякой работе. Призываю их идти в столовые, в детские сады, чтобы самим убедиться в правильности распределения и т. д. Они сознают это и даже говорят—нас призывают, но мы сами виноваты, что не идем.

Я хотела организовать детский сад у себя в парке, но работницы в этом не принимают участия. Только сейчас выбрали одну работницу, на которую возложили организацию детского сада. Впрочем, начало всегда трудно, а как увидят, что дело налаживается, сами за работу возьмутся.

Работница Кухарева.

В Рабоче-Крестьянской Инспекции.

Я работаю на фабриках около 40 лет и начала работать с 6-летнего возраста, когда я пошла мотать шпульки. И натерпелась я за мою жизнь и насмотрелась всего. Жить было бедно и трудно, и я всячески старалась помочь другим работницам. После революции я сразу увидела, что Советская власть—наша власть, что она поможет самому бедному, задавленному работой и нуждой человеку. Я к тому времени была еще совсем малограмотной, так как училась урывками, но, несмотря на мою малограмотность, Голутвинская мануфактура, где я работала, послала меня уполномоченной (контролером) по продовольственным лавкам, чтоб следить за справедливой выдачей по карточкам. Мне, как малограмотной, сначала было очень трудно, нужно было и вес проверить и карточки просматривать, так как случалась иной раз и вздугая приписка; однако, я сразу поняла, что глаз хозяйский тут действительно нужен и, правда, скоро стало много чище там, где работали наши уполномоченные. Когда были организованы по всем районам продовольственные комиссии, пленум Замоскворецкого районного совета выбрал меня в такую комиссию. Тут под моим руководством были организованы контролеры. Когда комиссии слились с Рабоче-Крестьянской Инспекцией, М. П. О. перевел меня в центр—контролером по складам. Мне приходилось ревизовать и мануфактурные, и обувные, и продовольственные склады. И при этих ревизиях, которые мы проводили вместе с специалистами, выяснилось, как нужен везде рабочий хозяйский глаз.

В настоящее время под моим надзором находятся 3 винных склада и магазинов. Дело для меня новое, трудное, ибо я знаю хорошо одну лишь мануфактуру, но и на этом новом деле я вижу, что даже неопытный, но честный рабочий может принести в своем огромном хозяйстве—пользу. Уже больше 2 лет я, в общем, работаю по контролю и ревизиям и говорю вам, товарищи, не надо трусить, идите, дорогие товарищи, смело во всякую работу. Нашим хозяйским глазом и честной рукой мы поможем делу Советской власти.

Работница *Козлова*.

Участие работниц и рабочих в завномах с февраля по октябрь 1917 года.

При керенщине создавались заводские комитеты. В то время у нас на фабрике ¹⁾ работало всего около 2000 человек, при чем из них 800 работниц.

Мужчины и женщины собирались вместе, устраивали собрания, выбирали делегатов, входили в контрольную комиссию, организовывали Президиумы. Работа протекала более или менее организованно. Все сырье было взято на учет. Без ведома рабочих ни что не вывозилось из продуктов производства с фабрики. Работницы-коммунистки были сорганизованы хорошо. На каждом шагу старались разъяснить беспартийным, что нужно смотреть за всем, что происходит на фабрике, а в особенности, чтобы ничего не вывозилось. Рабочие и работницы вполне понимали это и охотно исполняли все, что старались внушить им коммунисты.

Но были, конечно и, такие, которые по своей неосознанности и, может-быть, трусости перед начинающейся Великой Октябрьской Революцией смотрели на происходящее, как-то спустя рукава и попав в лапы фабрикантам испытывали на себе всю их честность.

Господа-хозяева думали и придумали:—Дадим всем желающим отпуск на три месяца, да еще за „усердную“ работу выдадим „наградных“ по 300 рублей. Небось все согласится на такой лакомый кусок и разведутся в отпуск, а мы в это время,—замок на ворота и дело в шляпе.

Некоторые рабочие, конечно, и попали на удочку, но далеко не все. Когда приходилось выступать на собраниях и раскрывать всю ложь этих отпусков, затеваемых фабрикантами, то их приспешники-меньшевики, заседавшие в комитете говорили, чтобы рабочие не слушали большевиков. Они пели, что большевики все шпионы, что большевики хотят дело революции погубить, а не освободить рабочий класс, что они „работают“ на немецкие деньги. Да, трудно было бороться. Всюду и везде было засилье меньшевиков. Рабочие оказались на распутьи. Где выход? Что делать? Куда идти? Кто враг и кто друг—понять не могли. И многие брали отпуск.

А хозяйчики весело потирали себе руки и думали: нагрели рабочих. Но радость их продолжалась не долго. Рабочие поняли какую

¹⁾ Фабрика бывш. Сау, в Красно-Пресненском районе.

хатрую штуку им устроили господа-фабриканты и их лакеи-меньшевики и в один прекрасный день постановляли переизбрать комитет, где 14 человек было соглашателей и только 3 большевика. Не все же 700 человек рабочих было выкинуто на улицу за их несомнительность на произвол судьбы.

На общем собрании присутствовали меньшевики и некто правый эс-эр Аносов, который вел выборы завкома, выступил с предложением кандидатов меньшевиков и своей партии. Но рабочие не приняли его списка и сами наметили кандидатов. Так был избран новый завком в который вошли 7 коммунистов, 5 сочувствующих и 5 беспартийных. Большевики сразу потеряли доверие массы и покинули собрание. Дело было в августе 1917 года.

Новый завком, распределив работу, повел переговоры с хозяевами, не выходя из кабинета. Но прежде, чем идти на переговоры, завком умело подготовил рабочих на местах, говоря: „Товарищи прежде, чем мы уйдем вы должны знать по каким вопросам мы будем вести переговоры, а именно: 1) прекращение увольнения, 2) повышение заработной платы и 3) 8-часовой рабочий день. Предупреждаем вас всех, что если мы не кончим переговоров к концу работы, то вы все, как один, работницы и рабочие, должны подойти к конторе“. И так бывало всегда; сразу после работы работницы бегом устремляются к конторе и фабриканты, бывало, говорят нам, членам завкома: „Удалите эту толпу“. А мы им отвечаем, что мы пришли отстаивать то, что поручила нам вот эта самая толпа и она не разойдется, пока вы не исполните наших требований.

Хозяева предчувствовали, что рано или поздно они должны сделаться жертвою рабочих и пошли на уступки. И так до Октябрьской революции мы успели удержать всех рабочих за собой. Везде и всюду смотрел свой пролетарский глаз. Контрольная Комиссия следила за расходом сырья и за выделкой продуктов, а также и за их распределением. Фабрикантам сразу были отрезаны их хищные руки. Интересна картинка „Всероссийского Съезда парфюмеров и мыловаров“, задуманного фабрикантами. Они задумали перехитрить голодных рабочих, ссылаясь на затяжную „Отечественную“ войну, благодаря которой, добыча-де сырья уменьшилась, топлива нет, товары идут плохо, а поэтому они считают необходимым закрыть все предприятия. Но не тут-то было. Завкомы в полном составе направляются в Центрожир, к месту заседания съезда. Там мы разыскали наших делегатов и разъяснили им цель съезда. Делегаты наши съезд откладывают, а мы тут же устраиваем совещание. Буржуа с поникшими головами покидают зал и неожиданно открывается чисто рабочий съезд.

После этого все время проходит в лихорадочной работе по подготовке Октябрьского переворота. Усиленная работа в завкомах. Бесперывное проведение митингов. Работа по организации. Усиление комячеек. Распространение коммунистической печати. Открытие клубов, и этим самым привлечение рабочих в наши боевые ряды. Завком и старые члены организуют боевую дружину, которая оказала в дни Октября неоценимую услугу Пролетарской Революции. Половина

состава этой дружины дралась на улицах, а остальные охраняли фабрику. Но вот миновали и великие дни Октября. Под грохот орудий, треск пулеметов, залпы орудий, под стоны и радостные крики умирающих, под мощные звуки „Интернационала“ взвилось над стенами Кремля Красное знамя Коммунизма. Тогда мы предъявили господам-фабрикантам свой ультиматум: „Ну, господа хорошие, теперь фабрика наша, если хотите оставаться у нас, можете работать как и все служащие, ибо у нас, у рабочих, есть свой лозунг— „Не трудящийся да не ест“. Трудно было изнеженному, барскому телу, выросшему на белых булках, брать в руки метлу или топор, и они сочли за лучшее уйти от нас подальше.

Работница в это время поняла, за что она и ее муж и дети борлись в Октябре на баррикадах. Она видит теперь себя не в подвале или холодном чердаке, а в хорошо обставленном буржуазном доме. И ребенок ее не валяется на сыром подвальном полу в нестиранных пеленках, а находится в яслях, где есть и опрятность и уход, она видит, что открываются дома „Коммуна“, детские сады, детские дома, бесплатные столовые и лечебницы; видит, что последний грош, последнее достояние Советская власть тратит на детей. Она видит все это, понимает и, может-быть не у одной работницы уже сверкали глаза радостными слезами, благославляя Великую Пролетарскую Революцию.

[Работница *К. Волгина.* ¹⁾

Участие работниц в ликвидации безграмотности.

Мои родители ткачи Прохоровской мануфактуры. Я тоже там работала 4 года, а потом меня рассчитали как не благонадежную. Начала я шить для раздаточного пункта в 1919 году. Весной отделом р-ц Пресненского района я была послана в санитарную комиссию делегаткой в медико-санитарной отдел. Там я проработала около года, а затем меня отозвали оттуда и командировали в внешкольный п/отд. специально для ликвидации безграмотности.

Отделу р-ц хотелось дать мне другое более живое дело: организовать школы, входить в переговоры с заводскими комитетами, но меня эта работа и раньше привлекала и работая, в медико-санитар. отделе я уже посещала 1-ый рабочий факультет, собираясь со временем стать учительницей.

В царские времена больше открывалось кабаков и трактиров, а в наше революционное время, конечно, в интересах самих рабочих было бороться с темнотой.

Я заняла место участкового инструктора по ликвидации безграмотности.

Я должна была организовать ликвидационные пункты, так как задача наша была научить читать и писать. Заводские комитеты в начале плохо шли на помощь, так как они не знали о существовании

¹⁾ Тов. К. Волгина—первая женщина-работница, выбранная предприятием в заводской комитет. Ред.

декрета и о том, что ликвидация безграмотности должна проводиться в порядке трудовой повинности и что рабочие для этого должны были отпускаться на 2 часа раньше.

Но согласия заводских комитетов было еще недостаточно, надо было привлечь самих рабочих, и поэтому нам приходилось агитировать по фабрикам и заводам. Препятствием в нашей работе была не только темнота, косность, но и ребятишки, хозяйство, которые вообще связывают раб-ц.

Несмотря на все эти препятствия, нам удалось все-таки обучить порядочное количество р-ц. Многие из них не только научились грамоте, но письменно излагают свои мысли и пишут стихотворения. Учлись не только молодые, но и старые. Помню одну старушку лет 50. На ней очки; она старательно выводит каракули. Зубов нет, она шажкает, пришепetyвает. Век свой она прожила неграмотной, но вот под старость рабочая революция и ей дала возможность научиться писать.

По нашему плану обучать должны сами рабочие, учителей у нас не хватает вообще, а те, которые есть, спешат, требуют прежде всего пайка, а как узнают, что его нет, отказываются. Рабочие же не так требовательны. Кроме того, рабочие, обучая в то же время сами приобретают навыки.

Но раб-цы идут, все-таки мало, они не могут преодолеть своей робости. Там, где работницы преподают, обучение проходит гораздо лучше, так как они честно относятся к своему делу и не манкируют; кроме того, они лучше умеют подходить к работницам.

В настоящее время я заведующая секцией по ликвидации безграмотности. Теперь мы открываем курсы для рабочих, будущих преподавателей. Эти курсы кратковременные и после них преподавание будет происходить по всем нашим методам.

Работница А. Никифорова.

Работница в университете.

Всю жизнь я была работницей. Мать и отец мой также работали на фабрике. Кроме того, мне всегда приходилось нянчить 7 человек моих меньших братьев и сестер. Не до науки было, но учиться хотелось страшно. Одну зиму отец пожалел меня и взялся нянчить сам, а меня отпустил в школу. Походила я год, а затем у матери родился еще ребенок, у нее всего было 14 детей, и я должна была бросить школу. Так проходило время, а там стукнуло мне 17 лет и я поступила на фабрику зарабатывать. 4 года работала я ткачихой. Правда, я тогда пробовала поступить на вечерние курсы. Но трудно было бегать далеко после 10 ч. рабочего дня. Да и главное применить знания некуда было.

После Октябрьской революции при I московском университете открылся рабочий факультет. Я поступила туда. Днем работала я в медико-санитарном отделе, куда меня делегировали рабочие, а после 6 часов слушала лекции. Этот факультет особенно ценным казался

мне потому, что помимо просветительных знаний он давал возможность рабочему и работнице применить знания к жизни и стать врачом, инженером, или другим специалистом.

При постановке преподавания принимается во внимание и степень развития рабочего и то, что он не может готовить уроков: что все он должен черпать из этих лекций. Кроме того, занятия развивают самостоятельность слушателей. Прослушав лекцию по физике, химии, мы все, что слышали, проверяем на опыте. Все лаборатории для нас открыты. Благодаря этому, мы все, что проходим прекрасно запоминаем. Из всех наук меня особенно привлекает химия и я хочу заняться ею основательно. Привлекая нас в университет Советская власть заботится о том, чтобы создать для учащихся удобные условия. Обучение в университете, конечно, бесплатно. Кроме того нам дают еще материальную помощь. Можно и службу бросить и перейти на полное социальное обеспечение. На рабочем факультете учатся всего 800 человек. На нашем рабочем факультете занятия идут лучше даже, чем в самом Московском Университете, который во многом еще не отделался от старого. В то время, как холод служил им непреодолимым препятствием для занятий, рабочий факультет все время занимался: рабочие не смотрели на морозы. Это лето мы, слушатели и преподаватели рабочего факультета занялись пилой дров, ездили в лес и напилили 370 кубов. Теперь зимой, нам не страшны морозы. Наш рабочий факультет так хорошо поставлен в значительной степени благодаря нашему заведующему, который, как коммунист, очень энергично и добросовестно взялся за дело.

Работница *Никифорова*.

Участие работницы в гражданской войне.

Воспоминания работниц об октябрьском перевороте в Москве.

Ко времени октябрьского переворота я работала в типографии „Известий“ Московского совета, где пользовалась большим доверием, как старая партийная работница. В то время мало было еще работниц большевичек. После бурного заседания исполнительного Комитета совместно с представителями от фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов, на котором принята была резолюция об оказании поддержки Питеру, настроение рабочих сразу сделалось боевым. Немедленно организован Военно-Революционный Комитет, непрерывно заседавший в одной из комнат Совета.

Мне поручили наблюдать за телеграфом и поступающими телеграммами у нас в типографии, где работали меньшевики. И я сначала все ходила в Совет и обратно в типографию на Петровку. Всюду стояли солдаты, совет походил на укрепленный лагерь. Все советские служащие и курьеры разбежались, а между тем надо было кормить солдат. Мне пришлось взять хозяйственные обязанности: резать хлеб, открывать жестянки с консервами, колоть сахар.

Руки ныли от непрерывного напряжения, но я была счастлива, что нахожусь среди наших славных защитников. Тем временем на Советской площади установили пушки, вдоль всей Тверской — патрули. Начались военные действия. В Совет стали доставлять раненых и убитых.

В следующие дни я уже ухаживала за ранеными или в качестве санитарки ездил с шоффером по городу со всякими поручениями, поддерживая связь между военно-революционным комитетом и нашими ответственными работниками. Т. Скворцов назвал меня тогда премьер-шоффером.

В один из этих дней явился в Военно-революционный комитет митрополит с целой свитой разного духовенства. Они пришли уговаривать большевиков прекратить братоубийственную войну. Ему ответили: выдайте раньше все спрятанное у вас оружие и наших пленных. Митрополит ушел ни с чем, но появление его сильно взбудоражило солдат и их с трудом удержали от насильственных действий по отношению к представителям духовенства. Все негодовали, как смели обращаться к нам с такими увещеваниями, когда виновники пролитой крови сидели вместе с ними в Кремле. „Пусть идет к Библию“ — раздавались возгласы.

Стрельба становилась учащеннее. Один — момент положение сделалось критическим. Совет обстреливали. Ходили слухи, что предполагают оставить здание.

Но до этого не дошло.

Мы победили. Теперь только вспоминаешь, сколько было тогда пережито тяжелых моментов, а тогда все эти опущения поглощались одной только напряженной мыслью: „стоять бы во что бы то ни стало советь“. И мы отстояли. И теперь с каждой новой годовщиной мы будем все больше гордиться нашими доблестными бойцами, все больше и больше ценить завоеванные нами незбываемые блага.

Печатница *Барина*.

Мои воспоминания.

В октябре 1917 года я работала на коробочной ф-ке Постонова.

Когда разнеслись известия о перевороте в Питере, мы, сочувствующие большевикам (я тогда еще даже и не была в партии) созвали общее собрание. Обсуждали вопрос, что нам делать: выйти на улицу, присоединиться к восставшим или оставаться у своих станков. Мне одной пришлось выступить против 250 чел. Я звала их на борьбу, на улицу, где должна была теперь решиться судьба рабочего класса. Большинство наших рабочих были меньшевики и на мой зов откликнулся только несколько человек.

Мы оставили меньшевиков влечь их ярмо, а сами ушли на улицу, куда нас звал великий клич: „Есть власть советам“!

Весь город распался на участки: в одном господствовал пролетариат, там находили солдат и красную гвардию, в других — буржуазия с соглашателями, там мы находили юнкеров, студентов.

Мы узнавали по одной внешности чей участок.

Мы постарались поддержать дух защитников Советской власти, некоторые из солдат были в нерешительности. Но стоило поговорить с ними несколько минут, указать, что все интересы пролетариата отстаиваются только советами, как лица озарялись улыбкой.

„Да, уж если умирать, так лучше за свое дело! спасибо, товарищи, за поддержку!“

Мы тогда рассыпались по всему городу, стали усиленно агитировать повсюду и многих удержали на посту. Наша помощь была неорганизованной, но мы не могли остаться безучастными и сделали, что могли.

И когда борьба увенчалась победой, мы с гордостью думали:

„А ведь и мы содействовали славной победе пролетариата!“

Работница *Подчуфарова*.

Работница в октябре.

Ничто так не объединяет рабочих, как их классовое самосознание о необходимости единения и сплочения в борьбе против буржуазии. В 17 году работницы убедились, что власть Керенского и буржуазии не сможет дать никаких политических прав, никакого освобождения и получают они то и другое лишь тогда, когда у власти будут сами рабочие и работницы. Это сознание так сплотило ряды пролетариата, что, когда в октябре рабочий класс восстал против буржуазии, на баррикадах Москвы боролись не только рабочие, но и работницы. Мне хочется поделиться тем впечатлением, которое у меня осталось от октября 17 года.

Я случайно приехала в Москву; стало уже темнеть, когда я с вокзала пошла на Пресню. Пройти мне совершенно оказалось невозможным ввиду того, что началась частая перестрелка. Я вернулась обратно, вдруг по дороге мне встречается группа работниц, часть из них была вооружена, а часть санитарок. Я спросила у них, куда они направляются. Они ответили, что на баррикады. Я спросила, можно ли мне присоединиться к их санитарному отряду. Получив адрес, я пошла в Сухареvский народный дом. Небольшой дом вмещал массу работниц и рабочих. На полу спали товарищи, только что вернувшиеся с боя. В столовой сформировался новый отряд и слышались голоса работниц, определяющих: скоро ли моя очередь. В другой половине раздавались революционные песни работниц, в которых звучали твердость, решимость и непоколебимая воля. Другие тут же учились владеть винтовкой.

В 4 часа ночи был организован новый отряд, в который пошла и я, нас отправили на Театральную площадь. Темная ночь, частые выстрелы, голоса работниц, создавали атмосферу, в которой чувалось, что работницы настолько выросли в своем сознании, настолько поняли как ужасно их положение рабынь, что какой бы ни было ценой они завоюют власть и станут правителями сами.

Когда выстрелы немного притихли, к нам подошли работницы Кольчутинского завода. Работницы Москвы стали их спрашивать, большой ли их отряд. Да, нас приехало много, но со времени боя наши все растерялись. Теперь мы не знаем кто где. А здорово белые отстреливаются, но и наши не хуже их. Да все равно мы их поколотим. Довольно, помучили нас. Теперь мы сами хотим научиться держать власть в своих руках.

И такая уверенность в победе звучала в их голосах!

Курсы работниц по подготовке дошкольных работников.

Но вдруг выстрелы стали чаще и работницы все разошлись по своим отрядам.

Начинается опять стрельба, наши гонят белых.

Работницы с красными лентами и повязками, с винтовками в руках идут в первых рядах с выражением твердости и решительности. Санитарки оказывают первую помощь раненым, находясь под самым огнем. Но вот выстрелы делаются чаще, белые начинают стрелять с крыш домов, работницы кричат:

„Все равно мы победим“.

Через десять минут все сливается в один звук—выстрелы, огонь и голоса, революционные песни, даже веселый смех работниц. И лишь видны красные знамена и ленты,—повязки работниц.

Так восстали рабыни вместе с рабами, взяли власть в свои руки и на весь мир громко крикнули свое человеческое „я“. Так работницы завоевали свои права.

Работница *К. Пустова.*

Работница на фронте.

С 8 лет я лишилась отца. Он работал на железной дороге, и его раздавило буферами. Мать одна должна была кормить нас — меня и еще 3 детей. Она занималась извозом. С 13 лет я и сестра стали помогать матери в этой работе. Мы возили дрова, шпалы на Речной станции и т. д. Работали обе мы очень мало, мне хотелось учиться, но денег не было. В промежутках между работой по извозу я временами поступала на стеклянную фабрику упаковщицей. Несмотря на это при больших усилиях мне удавалось кое-чему и самоучкой научиться.

Наступила война. Прошло несколько лет. Материальное положение нашей семьи сильно ухудшилось. В нашем крае пошло все вверх дном: фабрики закрывались, вся производственная жизнь замирала. Часть рабочих была эвакуирована, те, которые остались, голодали или шли на побочные заработки, спекулировали. Наиболее слабые работницы отдавались на утеху фронтовым офицерам. В то время я служила у одних своих родственников в казармах и когда они уезжали, то поручили мне вести хозяйственную часть в этих казармах. Вскоре случился Октябрьский переворот. Власть перешла к Советам. Работая в казармах, мне приходилось часто сталкиваться с различными политическими взглядами, и тут уж я начала разбираться в происходящей Революции. Власть Советов в нашей местности продолжалась недолго, месяца 1¹/₂—2. Затем началась оккупация немецкими войсками. При немецких офицерах еще больше возросла проституция. Нужда становилась все острее и острее. Появились политические аресты и расстрелы рабочих. Мне, как служащей в казармах, приходилось много спорить с немецкими властями, и тут уж я вполне определилась, как коммунистка.

Лейтенант этих казарм заметил мое влияние на солдат и заявил, что если я еще приду к солдатам беседовать, меня арестуют. В это время арестовали 80 большевиков, и я поспешила уехать в Витебск. В Витебске мне дали работу в одном учреждении и оттуда уж меня вскоре взяли, как сторонницу Советской власти и хорошо знающую местность, во временный революционный Совет. Все мы принялись за самую горячую работу. Тогда мы организовывали дивизию и должны были помочь обустроить, одеть и снабдить ее. Эта дивизия должна была занять места, освобожденные немецкими войсками, чтобы поддерживать порядок и помешать организоваться тут белым, которые тогда уже начали шевелиться.

Когда дивизия вышла в путь, нас разбили по группам: кто должен был работать по агитации, кто по разведке, кто по закупкам.

Я и один товарищ были назначены разведчиками. Были слухи, что немцы при отступлении хотят взорвать мост, что будто они слишком грабят крестьян, что в одной из местностей сформировались штабы

войска белых. Все это надо было проверить. И вот мы поехали и перешли через границу. Чтобы проверить первое сведение, я направилась в Двинск, где я так долго жила при казармах. Там я встретила много немецких солдат, старых знакомых. Разговорилась с ними. В то время в немецких войсках были созданы советы. Офицерам приходилось считаться с ними, если не сказать—подчиняться. В советах были большевики-коммунисты. Мои старые знакомые немецкие солдаты, в большинстве случаев металлисты и пекаря, помогли мне собрать нужные сведения. Затем, установив связь с железнодорожными рабочими, я уехала. Кстати сказать, железнодорожники тогда становились все

Конференция совхозниц и огородниц Москвы и Московской губ.
5 мая 1921 г.

активнее. Они запрещали немецким войскам увозить паровозы и вагоны. В разведке же я выяснила, что действительно, белые сформировали свои силы около Двинска и Вязьмы, но что они не намерены наступать, а отодвигают свои силы назад. Я вернулась и занялась гражданской работой. Прошло 5 месяцев и белые стали активнее. Они начали свое наступление, заняли Вильну и стали продвигаться дальше. Советская власть в лице самих рабочих Двинска объявила мобилизацию. Рабочие, и работницы, все без исключения, чувствуя приближение врага, стали объединяться вокруг советских организаций для борьбы с белыми. Рабочие шли с ружьем, работницы санитарками. Все поняли важность событий. Проф. союзы, которые совсем не были тогда большевистскими, все выдвигали своих представителей. Город представлял собою фронт. Все мы, работницы и рабочие, несли дежурства и караулы

по городу, жили в одних казармах и т. д. И опять спросилась на работу разведчика. Меня послали. Теперь уж мне пришлось работать специально среди белых войск. Через нейтральную полосу я перебралась под видом крестьянской девушки. Польский капрал дал мне за пару яиц пропуск для дальнейшего следования по занятой местности. Я пошла дальше к месту своего назначения.

Был хороший летний день. Я остановилась около моста у Свенцяи и присела под деревом в ожидании лошади. Вижу, едет повозка с поручиком. Он остановил лошадь и спрашивает, кого я жду. Я объяснила ему, что жду лошади, которая меня должна довести до Новых Свенцяи. Тогда он учтиво предложил мне не дожидаться лошади, а сесть в его повозку. Я села и поехала, зная заранее, как много я могу выведать от белого поручика. В дороге мы разговорились. Я узнала, что он жил и учился в Петрограде студентом, имеет небольшое поместье около Вильны. По политическим убеждениям меньшевик и после Октябрьской революции бежал из России на белый фронт. На меня он смотрел только, как на молодую женщину, которой он хотел бы воспользоваться. Поэтому он был болтлив, а я слушала и мотала себе все на ус.

С поручиком продолжали мы видеться, и на следующий день он пригласил меня к себе обедать. Во время обеда они говорили о некоторых военных районах и главным образом разговаривали о своих проделках в Литве при большевиках. Я должна была ехать обратно, но предварительно надо было объясниться с поручиком. Чтобы мое исчезновение не показалось ему подозрительным и причину своей поездки я объясняла так: будто приехала за продуктами и должна доставить их своим родителям к субботе. Так мне удалось вырваться обратно.

Много приходилось мне потом еще ходить и ездить по разведкам. Бывали случаи, когда меня арестовывали в пути легионеры, затем выпускали. Случалось быть и под огнем во время перестрелки. Я помню один случай, когда приходилось переходить линию огня. Пулеметы грешали с двух сторон, пушки гремели. От пушечных выстрелов загорались стволы деревьев, земля была горячая и трудно было долго держаться в лежачем положении. Спасаясь от выстрелов, я прилегла на землю и так постепенно вышла из леса. Тут я была задержана белой контр-разведкой. Они арестовали меня и отправили к командиру. Там меня чуть не убили и под конвоем послали за 15 в. в штаб. Туда привели меня ночью. Несколько поручиков расспрашивали о положении в России, но на вопросы я не отвечала. Объяснила только, что я действительно приехала из местности, занятой красными — это значило кстати и в моих документах — но материальные условия заставили меня приехать в их местность. В результате мне было вынесено обвинение в шпионаже, в том, что я агент красных и агитатор. Они вынесли мне приговор — расстрелять в 8 ч. утра (было это в 6 ч. утра). В то время я не испугалась этого приговора, но только чувствовала страшное желание жить; ведь мне было только 19 лет. Через три дня меня отправили в Вильно и посадили в тюрьму в одиночную камеру. Там я познакомилась со многими женщинами и девушками политиче-

скими заключенными. Их было человек 20. Некоторые из них были так же в разведке. В тюрьме я просидела полтора месяца, и затем меня отправляли для заключения в лагерь недалеко от Карпатских гор. К лагерю нас подвозили в темноте. Легионеры воспользовались темнотой и бросились на нас бить винтовками. В лагере было тяжело во всех отношениях; кормили плохо, спали мы на полу, обращение было с нами скверное. Там меня продержали около 9 месяцев, а при обмене заложниками меня отпустили в Россию. Так я закончила свою работу на фронте.

Работница Н. Головинк.

Как я была на фронте.

В 1918 г. я работала на фабрике в Серпухове. В это время у нас стали организовывать красную гвардию и я поступила в отряд тяжелой батареи, в качестве санитарки, вместе со своей сестрой. Вскоре нас послали в Москву на партийные курсы. В это время как раз чехо-словаки взяли Симбирск. И стала я думать: что ж, вот буду я учиться, а тут, пожалуй, погибнет Советская власть. И решила я идти на фронт.

Записалась я в 1 армию в качестве политработника. В Приуральской полосе я работала по организации комитетов бедноты и по учету хлеба. Сама я из крестьян, и работа среди них у меня шла хорошо. В 19 году наша армия сражалась против Дутова. В апреле нам пришлось отступать.

Был разлив, мы никак не могли догнать нашу дивизию. Приходилось по 30 верст ехать верхом. Лошади по уши шли в воде. Помню, под Пасеху подъезжаем к одному селу, надо перебраться через большую реку. Темно, кругом вода разлилась. Думаем, как нам быть? Хорошо, как на мост попадем. Ну, все-таки делать нечего, решили ехать. Ребята кричат мне: товарищ Казакова, держись крепче! Когда мы переехали на тот берег, мужики удивились, как мы под мост не попали: мосток-то узенький был.

Меня назначили в 213 полк 2 бригаду. В это время в полку велась сильная агитация против коммунистов. Вышла я к красноармейцам познакомиться с настроением, вижу—сидят на бугорке, глядят на меня и посмеиваются, что это, дескать, баба в шинели ходит.

Организации в полку никакой не было, красноармейцы разутые, раздетые, настроенные скверное; станешь говорить—никто не слушает. Понемногу настроение стало подниматься, да и одежду частью удалось достать.

В это время наш полк пошел в наступление. Комиссар не взял меня на передовые позиции, пришлось остаться при обозе. Только два раза разрешили мне пойти в цепь. Я осталась при обозе и принялась за партийную и культурно-просветительную работу. В коммунистическую ячейку сперва вошло всего 7 чел. Первый спектакль давали не наш, а Московский полк. Потом стали и мы ставить своими силами. К нам, к коммунистам, стали прислушиваться, ячейка

начала роста. Мы стали сноситься с противником, распространять там свою литературу. Когда мы пошли в наступление, к нам стали переходить в плен. Мы агитировали пленных, чтобы они не уходили в тыл, а вместе с нами бились с врагом. Многие из них оставались у нас и вступали в партию.

В июне нам надо было перейти реку Белую, а на той стороне стоял неприятель, и мне захотелось посмотреть их поближе. Меня нарядили башкиром (в башкиров они не стреляли), и мы пошли на берег и стали переговариваться через реку. Вышел целый митинг. После этого ночью два белогвардейца—солдаты попали к нам через реку; один утонул, другой переплыл благополучно и остался у нас. Пришло время переходить реку. Настроение тревожное. Много наших из 14 полка погонуло при переходе. Я пошла вместе с товарищами красноармейцами,—не могла оставаться, когда моих товарищей ждала такая опасность. Наша цепь очень близко подошла к противнику. Нас стали обстреливать перекрестным огнем, и я пошла посмотреть, где командир 5 роты. Тут меня ранили в голову. Когда я вернулась в свой полк, товарищи красноармейцы встретили меня так приветливо, что я плакала от радости; мне все казалось, что я не стою такой встречи. Потом меня снова выбрали председателем комячейки.

Партийная работа у нас развернулась широко. В партийную неделю в декабре 1919 г. у нас в партию вошло 330 человек. Тут я скоро уехала в отпуск.

Когда я вернулась из отпуска, нашу часть уже перебросили в Орлу на Деникина. В это время свирепствовала эпидемия тифа. В селе Красниково силами ячейки нам пришлось организовать лазарет. Пошли мы из миткаля белье на 60 коек, на субботнике очистили помещение, устроили плиту, уборные, сделали сбор с красноармейцев и откомандировали трех товарищей закупить на собранные деньги масла, молока и других продуктов. Крестьяне давали много продуктов бесплатно. Наша ячейка завоевала большое доверие и любовь. В Красникове мы простояли 40 дней, затем вступили в другой уезд. Здесь мы также организовали лазарет, и беспартийные приняли в этом большое участие.

Весной мы стали помогать крестьянам запахать поля. Нашим полком совместно с крестьянами было запахано 380 дес. Когда стали наступать поляки, нашу часть перебросили на юго-западный фронт. Я осталась в хозяйственной части. В июне меня назначили комиссаром санитарной части перевязочного отряда. Я пробыла в этом отряде 3 месяца. В сентябре при отступлении из Галиции нам приходилось переходить по 50 в. в сутки с тяжелым грузом. Мы везли за собой до 250 раненых. Тут я заболела и была отправлена в тыл в распоряжение Серпуховской организации Р. К. П. Несмотря на все трудности, мое пребывание на фронте было самым лучшим, самым светлым временем в моей жизни. И я вспоминаю о всех товарищах красноармейцах, как о самых близких мне родных.

Работница *Казикова.*

Работница в печати.

Могучим орудием в нашей трудовой работе по привлечению к революционной борьбе широких женских масс помимо устной была и печатная агитация.

Через газету, листовку, брошюру нужно было слово коммунизма, правду о новой жизни сделать доступными для каждой труженицы, через печать нужно было рассказать ей о прошлой беспросветной жизни нужды и голода и о радостной, свободной жизни, ожидающей ее в будущем.

В виду полит. и экономического закрепощения и целого ряда условий особой бытовой закабаленности женщины, — Коммунистической Партии пришлось повести усиленную работу среди женского пролетариата, а, стало-быть, иметь и свои органы печатной агитации и пропаганды.

Таким органом при царизме был журнал „Работница“, который пользовался огромной популярностью, в особенности среди петроградских работниц и рабочих, и который был закрыт тогда, когда самодержавие всей своей тяжестью обрушилось на рабочие организации вообще. Журн. „Работница“ возобновил свое существование после Февральской Революции. Он выходил в Петрограде и был закрыт в начале 1918 года.

С началом работы после революции среди женского пролетариата в Московском районе стал выходить журнал „Жизнь Работницы“.

Но с расширением работы, с увеличением ее размаха, явилась потребность постоянно, систематически освещать жизнь работниц, знакомить их с очередными насущными задачами, стоящими перед Трудовой Республикой и разрешение которых требовало сознательного участия женских пролетарских масс.

Появляются еженедельные „странички“ в газетах. Сперва эта страничка появляется при газ. Коммунар, затем при г.г. „Правда“, „Беднота“ и, наконец, при газете М. К-та и Моск. Совета „Коммунистический Труд“.

„Странички Работниц“, по нашему мнению, должны были не только говорить работницам о том, что и как им нужно делать, чтобы победить белогвардейцев и разруху и утвердить власть рабочих и крестьян, но должны были отражать жизнь работниц, приучить самих работниц к письму, научить их смотреть на газеты, как на свое собственное дело, как на средство своего самовоспитания и самоорганизации.

И этого в некоторой степени достигнуть удалось. Мы постараемся это показать на учете работы в 1920 году. С этого времени отдел Р-ниц М. К. выделил одного товарища, на обязанности и ответственности которого лежала вся работа по печатной агитации и пропаганде.

К этому времени М. О. Р-ниц редактировал еженедельную, по четвергам выходящую стр. „Жизнь Работницы“ при газ. „Коммунистический Труд“ и ежемесячную газету, выходящую с октября 1920 г. „Работница и Крестьянка“. Нашей задачей явилось—как можно больше

работниц и крестьянок привлечь к сотрудничеству в страничке и газете.

С этой целью всем женотделам как в районах Москвы, так и в губернии было предложено выделить по одному товарищу, на обязанности которого лежала бы вся работа по привлечению работниц к сотрудничеству в своей печати.

Этот товарищ, не совсем точно названный нами,—организатор по литературной работе,—должен был иметь самую тесную связь с Литературной Коллегией при партийном К-те и входить в Бюро Лит. Кол.

Для этих организаторов была выработана соответствующая инструкция с указанием как нужно собирать материал от работниц, на какие темы всего желательнее материал получать и т. д.

Правда, сейчас, по истечении больше полугода с момента выработки этой инструкции и выделения организаторов, мы не можем похвастаться, чтобы этот аппарат у нас работал достаточно гладко и стройно.

Причины к этому прежде всего—общего характера. У товарища, которого в районе или уезде выделяли для ведения этой отрасли, работы была большая практическая работа, и это новое дело являлось для него, просто сказать, „с боку-припека“,—и он не мог ей уделить ни достаточно внимания, ни времени.

Собрания этих товарищей мы созывали приблизительно 1 раз в месяц, а перед Международным днем раза 2 собирали всех работниц, принимающих участие в нашей печати.

Чтобы побудить работниц больше писать, была выпущена листовка с призывом принимать участие в печати. На целом ряде делегатских собраний, а также на некоторых беспартийных конференциях ставились доклады о печати и участии в ней работниц. В Городском районе, кроме того, был организован ряд так наз. „Литературных вечеров“, на которых помимо общего доклада о пролет. культуре или прол. печати,—работницами читались их собственные произведения.

Некоторые результаты этой работы налицо; корреспонденций, поступающих от работниц, становилось все больше (исключая второй половины апреля—май, когда масса предприятий закрылась и большая часть рабочих разбрелась по отпускам в деревню); так, например, с января по $\frac{1}{2}$ пол. апреля получено не менее 500 писем, корреспонденций и статей от самих работниц.

Интересно теперь остановиться на другой стороне дела: о чем же пишет работница? Что волнует ее разбуженную мысль, что тревожит ее сердце; чем живет она, хозяйка и строитель России, чьи думы начали уже перелетать за частокол своего дома и интересоваться, болеть судьбами всей страны?

Много заметок, корреспонденций от работниц, рисующих бытовую сторону ее жизни. Тут рассказы и жалобы о беспорядках на предприятиях, об администрации, жалобы на злоупотребления, на господствующую еще и сейчас несправедливость, неравенство и т. д. Такого материала поступает довольно много, и потому по страничкам, в известной степени можно определить, как живут работницы. Есть

заметки о собеседованиях, о делегатских собраниях, о районных и уездных конференциях работниц и крестьянок и т. д.

Но для выявления, характеристики роста массовой работницы, гораздо больше дает другая часть поступающего материала—это заметки, рассказы и стихи, где работницы говорят о себе, о своих мыслях, настроениях, желаниях.

„В гражданских стихах работниц, подчас неуклюжих, сколько слышится пламенной ненависти к угнетению, ко всей жестокости жизни, сколько глубокой, бодрящей веры в лучшую жизнь человечества.

Друзья, в тяжелый час сомнения
Взгляните пристальней назад:
Какие скорбные виденья
Оттуда с ужасом глядят.....

взывает работница в своем стихотворении к малодушным, ропщущим, помнящим только о заботах и трудностях сегодняшнего дня...

Забудем прошлое веков,
Мы вступим в новый мир Коммуны,
Где каждый будет человек...

Горячо пишет другая.

Любят работницы, и это ведь так естественно, выливать в стихах и свои, подчас самые задушевные, интимные переживания!

Как я могу писать про радость,
Когда в душе моей печаль.
Как я скажу, что светит солнце,
Когда в душе моей темно.
Как опишу я мысль чужую,
Когда ее мне не повять...

Какой скорбью, неподдельной грустью веет от этих, угловатых по форме стихов.

Я хотела бы вернуть
Промелькнувшую весну.

пишет другая.

И понимаем мы ее, работницу, чьи молодые годы прошли безрадостно, в тяжелой борьбе за кусок хлеба.

Чрезвычайно характерным и интересным для новых настроений работниц кажется нам рассказ работницы „Не отступлюся“ Молодую работницу покинул любимый человек. Разлюбил, сошелся с другой. Она беременна. Тяжело ей.

„Когда поняла, что кончилась у него к ней любовь, ругала она, ругательски-ругала: будто и любви никакой не было, одна алоба. А теперь, как рукой сняло.... Да и не о нем одном думать приходится; надо и о том подумать, кто еще только собирается на свет явиться. Уж и раньше заглядывалась на чужих ребят. Нет, нет, да и подумает и мне бы такого. Чего уже теперь горевать? Радоваться надо. Может, на отца похож будет...

И вот еще о чем она думает.

„А у ней и о том мысли, чтобы хилого или калеку какого не выносить. Ему ведь тоже не век в игрушки играть: полегче, пожалуй,

работать придется, чем ей, а все-таки хватит, хоть отбавляй. Такого родить надо, чтобы и за себя и за других постоять сумел; дело нелегкое... За этими думами и страшного не так страшно ожидать...

— Об этом, как и о других наболевших вопросах своего быта пишет работница.

Помимо издания „Стр. и газет — Отд. Р-ц. выпускает еще листовки и воззвания по вопросам очередных политических кампаний.

С ноября 1920 до начала 1921 г. Отд. Рабт. были выпущены листовки к крестьянкам, к дом. хозяйкам, к перевыборам делегатов, об участии в печати, к перевыборам совета, и много других. Кроме листовки, за период с ноября 1920 по май 1921 Отд. Р-ц. были выпущены: брошюра „Повесть работницы и крестьянки“ (биография работницы — печатицы Таисы Словачевской и крестьянки Удаленковой) сборник тезисов по разным докладам в женской аудитории, Бюллетень ко 2-ой губернской конференции работниц и крестьянок (тезисы к докладом в секциях); кроме этого отделом был составлен сборник „Советская Власть и раскрепощение женщины“, который содержит в себе все декреты, изданные в этой области разными Советскими отделами за 3 года пролетарской диктатуры.

И, наконец, к международной конференции коммунисток отделом р-иц подготовлен к печати настоящий сборник „Работница Москвы за 3 года диктатуры пролетариата“.

Всего литературы издано и распространено через Московский отд. р-иц за истекший период (ноябрь 20 — 1 мая 1921 г.) 320.000 экзempl.

Если к этому добавить, что страничка „Жизнь Работницы“ при газ. „Ком. Труд“ выходит еженедельно в количестве 40 т. экземпляров, что помимо нее среди московских работниц распространяются еще стр. при г. г. „Правда“ и „Беднота“, что разной литературы, получаемой от жен отдела Ц. К. Р. К. П. (ж. коммунистка, стр. Агит. Роста, Бюллетень Ц. О., брошюры Коллонтай и Самойловой, Протоколы М. К., Листовки к 1-му мая, межд. дню, неделе красного пахаря и пр.) было распространено в количестве 49.000 экз.—то общая цифра литературы, распространенной за данные 7 мес. (с ноября по 1 мая) получится довольно внушительная.

Но все же спрос на печатное слово, на газету, книжку гораздо больше, чем мы его в действительности можем удовлетворить.

Разбуженная мысль трудовой женщины жадно ищет ответ на вопросы, встающие перед ней, она хочет знать о борьбе наших дней, которая с каждым днем становится все больше правдой миллионов народных масс, готовых во имя ее на величайшие жертвы.

Наша печатная агитация и пропаганда среди трудящихся женских масс является только частью этой огромной, важной, творческой работы массового воспитания и просвещения.

Р. Ковнатор.

25 мая 1921 г.

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

2000

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО

5012

СОУНЬ ИМ. В. Г. БЕЛИНСКОГО